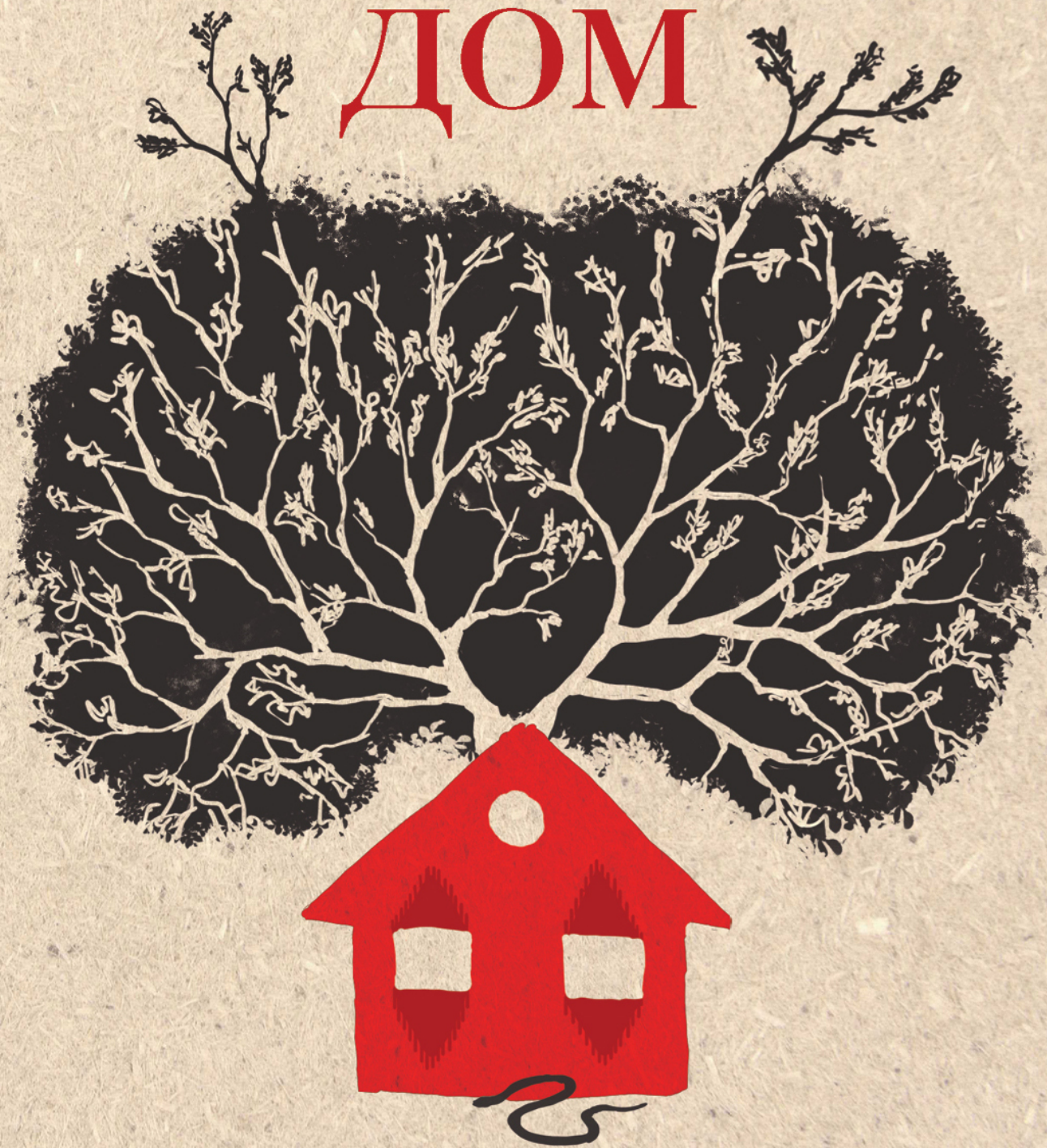

Луиза Эрдрич

Лауреат Национальной книжной премии

КРУГЛЫЙ
ДОМ

От автора «Лароуз»

Луиза Эрдрич
Круглый дом

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Эрдрич Л.

Круглый дом / Л. Эрдрич — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-04-100815-4

«Убить пересмешника» в атмосфере индейской резервации. Он находится на грани взросления. И получает жестокий удар: его мать подвергается жестокому насилию с расистским подтекстом. Это преступление полностью меняет его семью навсегда. Теперь ему предстоит свершить справедливость и отомстить обидчику. «Круглый дом» – завораживающий литературный шедевр, одновременно история взросления, триллер и семейный роман.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-100815-4

© Эрдрич Л., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	35
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Луиза Эрдрич Круглый дом

Louise Erdrich

The round house

Copyright © 2012, Louise Erdrich

© О. Алякринский, перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Посвящается Паллас

Глава 1

1988 год¹

Маленькие деревца атаковали родительский дом, прорастая прямо из фундамента. Это были тоненькие побеги с парой крепких здоровых листочков. Тем не менее юные стволы – а вернее сказать, стебли – умудрились пробиться сквозь узенькие прорехи между коричневыми дощечками декоративной обшивки шлакоблоков. Они превратились в незримую стену, и теперь их было трудно выкорчевать. Отец отер ладонью лоб и сквозь зубы костерил их упрямую живучесть. Я орудовал ржавой садовой вилкой с растрескавшейся ручкой, а он – длинной каминной кочергой, от которой вреда было, пожалуй, больше, чем пользы. Наобум взрыхляя землю в тех местах, где, по его разумению, могли таиться разросшиеся корневища, отец невольно пробивал удобные лазы для будущей поросли.

Когда мне удавалось выдрать из почвы тоненькое деревце, я клал его осторожно, точно военный трофей, на узкую бетонную дорожку, опоясывавшую дом. Среди моих трофеев были побеги ясеня, вяза, клена и даже разросшийся побег катальпы, который отец поставил в ведро из-под мороженого и наполнил его водой в надежде, что позднее найдет, куда пересадить саженец. Мне казалось чудом, что этим деревцам удалось пережить суровую зиму Северной Дакоты. Воды им было, наверное, вдосталь, но вот света явно не хватало, да и почвы тоже. И все же каждое семечко умудрилось пустить вглубь густые корни и вытолкнуть на поверхность бесстрашный росток.

Отец выпрямился и потянулся, массируя затекшую спину.

– Ну, хватит, – произнес он, хотя обыкновенно старался добиваться в любом деле безукоризненного результата.

Мне же не хотелось останавливаться, и когда он ушел в дом, чтобы позвонить маме, которая уехала к себе в офис за какой-то папкой, я продолжал искать спрятавшиеся под землей корни. Отец долго не появлялся, и я уже решил, что он по привычке прилег вздремнуть. Вы, наверное, решили, что я бросил копаться в земле – ведь у тринадцатилетнего мальчишки есть дела и поважнее, но как бы не так. Солнце уже начало клониться к горизонту, и всю резервацию объяли тишина и покой, а я только-только проникся важностью задачи уничтожить всех без исключения непрошенных гостей и выдрать каждого с корнем, где скопилась их жизненная сила. И, кроме того, мне казалось важным как можно тщательнее сделать эту работу – в отличие от прочих своих домашних обязанностей, которые я выполнял спустя рукава. Даже сейчас меня поражает степень моего усердия. Я всаживал вилку в землю как можно ближе к тоненькому побегу. Каждое деревце требовало особого обращения: нельзя было сломать растение в процессе извлечения его корневища, крепко засевшего в подземном убежище и не желавшего поддаваться.

Наконец я закончил, тихонько зашел в дом и проскользнул в отцовский кабинет. Взял с полки книгу по юриспруденции, которую отец именовал не иначе как «библией»: «Справочник федерального законодательства об индейцах» Феликса С. Коэна. Моему отцу эту книгу подарил его отец. Рыже-красный переплет был весь исцарапан, длинный корешок потрескался, и все страницы испещрены рукописными пометками. Я читал ее, стараясь привыкнуть к старомодному языку и нескончаемым сносам. На странице 38 то ли отец, то ли дедушка поставил большой восклицательный знак около выделенного курсивом описания дела, которое, естественно, и меня заинтересовало: «Соединенные Штаты против сорока трех галлонов виски».

¹ Здесь и далее названия всех глав повторяют названия эпизодов телевизионной саги «Звездный путь: следующее поколение».

Наверное, кому-то из них такое название показалось забавным – и мне тоже! Тем не менее я задумался над мыслью, высказанной в других тяжбах и особенно ярко прозвучавшей именно в этом деле: что все наши договоры с правительством похожи на договоры с иностранными государствами. И что величие и сила, о которых мне говорил мой дед Мушум², не совсем утрачены, поскольку, пускай и в некоторой степени, они все еще находятся под защитой закона.

Я сидел на кухне, читал и потягивал холодную воду из стакана, когда еще не вполне проснувшийся отец вошел, зевнул и сонно поглядел на меня. При всей своей важности «Справочник» Коэна был не слишком тяжелым, и когда отец подошел поближе, я быстренько убрал книгу под стол и положил на колени. Отец облизнул пересохшие губы и стал озираться то ли в поисках чего-то съестного, то ли надеясь услышать звяканье чайника, или звон стаканов, или звук шагов. Меня удивил его вопрос, хотя, на первый взгляд, ничего в нем не было необычного.

– А где мама? – как бы невзначай произнес он севшим голосом.

Я переложил книгу на соседний стул, встал и дал ему стакан воды. Отец в один присест его выпил. Он не повторил свой вопрос, но мы стояли и, мне показалось, смотрели друг на друга как двое взрослых – словно он вдруг понял, что, читая его справочник по законодательству, я приобщился к его миру. Он сверлил меня взглядом, пока я не отвел глаза. Мне вообще-то уже исполнилось тринадцать. А две недели назад было только двенадцать.

– Может, на работе? – сказал я, стараясь не смотреть на него. Я предположил, что ему прекрасно известно, где мама, что он это выяснил, когда позвонил ей. Я знал, что она поехала к себе в офис, но не поработать. Поговорив с кем-то по телефону, она сказала, что ей нужно съездить забрать какие-то папки. Мама была специалистом по вопросам членства в племени³ и сейчас, скорее всего, корпела над какой-то петицией, которую ей передали. Вообще-то она возглавляла управление, в котором была единственным сотрудником. В тот день было воскресенье – вот почему в резервации стояла такая тишина. Обычно по воскресеньям ближе к вечеру жизнь у нас замирала. Даже если бы мама из офиса отправилась в гости к своей сестре Клеменс, она бы давно уже вернулась домой готовить ужин. Мы с отцом это знали. Женщины и не догадываются, как много мужчины узнают о них из регулярности их привычек. Мы автоматически фиксируем их приходы и уходы, настраиваемся на их ритмы. Наш пульс синхронизируется с их пульсом, и вот теперь, как и всегда днем по выходным, мы с отцом уже настроились на то, что по маминой отмашке наши внутренние часы начнут отмерять наступление вечера.

То есть, сами понимаете, ее отсутствие остановило бег времени.

– И что же нам делать? – не сговариваясь, одновременно произнесли мы, и мне стало тревожно. По крайней мере, отец, видя, как я оробел, взял инициативу на себя.

– Надо ее найти, – сказал он.

Надев куртку, я радовался, что он проявил такую решительность: «найти», а не просто «поискать». Поедем и найдем ее!

– У нее лопнула шина, – объявил он. – Скорее всего, мама решила кого-то подбросить до дома и напоролась на гвоздь. Дурацкие дороги! Пошли, одолжим у дяди машину и найдем ее.

Вот опять – «найдем ее». Я еле поспевал за ним. Он двигался быстро, и в нем снова ощущалась сила.

Отец в жизни все делал с опозданием – стал адвокатом, потом судьей, потом женился, уже будучи в годах. Думаю, для мамы было неожиданностью, что я появился на свет. Мой старый дед Мушум называл меня Упс. Такое он для меня придумал прозвище. К сожалению, все в нашей большой семье считали это прозвище смешным. И до сих пор меня иногда называют Упс. Мы спустились с холма к дому моих тети и дяди – бледно-зеленому коттеджу, построенному в рамках государственной жилищной программы. Коттедж был обсажен тополями и

² Дед – на языке анишинаабе, группы индейских племен Канады и США.

³ Административная должность в индейской резервации, связанная с рассмотрением ходатайств о приеме в племя.

тремя голубыми елочками, придававшими ему благообразный вид. Там же обитал и Мушум, словно в тумане безвременья. Мы все гордились его рекордным долголетием. Он был хоть и древний, но еще вовсю обихаживал дворик перед коттеджем. Каждый день, покончив с физическими упражнениями на воздухе, он располагался отдохнуть на раскладушке под окном в гостиной и лежал на ней как бревно, подремывая и временами издавая короткое тарыхтение – наверное, смешок.

Когда отец сообщил тете Клеменс и дяде Эдварду, что мама проколола шину и нам нужна их машина, – причем таким тоном, как будто обладал точной информацией об этой мифической проколотой шине, – я чуть не расхохотался. Он, похоже, убедил себя в правдивости своей выдумки.

В дядином «шевроле» мы вернулись по проселочной дороге на шоссе и поехали прямоком к зданию администрации племени. Объехали вокруг парковки. Пусто. В здании все окна темные. Отъехав от администрации, свернули направо.

– Уверен: она поехала в Хупдэнс, – заявил отец. – Купить в супермаркете чего-нибудь на ужин. Может, она решила нам сделать сюрприз, а, Джо?

Я в семье второй Энтон Бэзил Куттс, но я бы дал в глаз любому, кто бы добавил к моему имени «младший», или порядковый номер, или назвал бы меня Бэзилом. Когда мне исполнилось шесть лет, я решил, что буду Джо. А в восемь осознал, что выбрал имя своего прадеда Джозефа. О нем я знал главным образом то, что он делал пометки на полях книг с янтарными страницами и иссохшими кожаными переплетами. После него сохранилось несколько полок с этими древними изданиями. Мне было неприятно, что я не обладаю нестандартным именем, которое как-то выделяло бы меня в скучной череде Куттсов – ответственных, бесстрашных, можно даже сказать, беспечно героических мужчин, которые втихаря выпивали, но без разгула, выкуривали сигару-другую, ездили на надежных автомобилях и выказывали свой нор, беря замуж женщин смышленее себя. Я же в собственном представлении был совсем иным, хотя и не понимал до конца, в чем именно. Даже когда, смиряя тревогу, мы поехали искать маму, вероятно, поехавшую в местный супермаркет – ну а куда же еще она могла деться? – я понимал, что все происходящее относится к разряду чего-то нестандартного. Пропавшая мать. Такое не может произойти с сыном судьи, даже если он живет в индейской резервации. Во мне теплилась смутная надежда, что должно случиться *нечто необычное*.

Я был мальчишкой, который весь воскресный день провел, выкорчевывая молодые деревца из фундамента родительского дома. И мне следовало смириться с очевидной истиной: вот кем мне, в итоге, и суждено стать, но я не хотел смиряться. Я сопротивлялся, как мог. И все же, хоть мне и хотелось тогда, чтобы произошло нечто необычное, я не имею в виду ничего плохого – просто что-то непредвиденное! Редкое событие. Никогда ранее не наблюдавшееся. Типа выигрыша в лото, хотя по воскресеньям у нас в лото не играют, да и не в мамином характере было играть в лото. Но именно чего-то такого мне и хотелось – чего-то из ряда вон выходящего. Не более того.

На полпути к Хупдэнсу мне пришло в голову, что супермаркет по воскресеньям закрыт.

Ну, конечно! Отцовский подбородок закаменел, руки крепко сжимали руль. В профиль он был вылитый индеец с киноафиши или отчеканенный на древней монете римский император. Его тяжелый, похожий на клюв нос и выпяченный подбородок излучали классический стоицизм. Он поехал прямоком в город, потому что, по его словам, она попросту могла забыть, что сегодня воскресенье. И тут мы заметили ее машину на шоссе. А за рулем – мама! Она мчалась по встречной полосе, явно превышая лимит скорости, торопясь поскорее вернуться домой, к нам. Но вот же мы! Мы засмеялись при виде ее напряженного лица, развернулись и устремились за ней вдогонку, глотая пыль из-под ее колес.

– Да она не в себе! – смеясь, сказал отец. У него явно отлегло от сердца. – Ну, видишь, что я тебе говорил! Она просто забыла! Поехала в магазин, позабыв, что он сегодня закрыт. Вот и осерчала, что зря потратила бензин. Ох, Джеральдин!

В его голосе, когда он это произнес: «Ох, Джеральдин!» – слышались радость, любовь и изумление. Вот из этих двух слов сразу становилось понятно, что мой отец всегда любил маму и сейчас любит. Он никогда не переставал испытывать к ней чувство благодарности за то, что она вышла за него, а потом еще и подарила ему сына, когда он уже не сомневался, что на нем завершится его род.

«Ох, Джеральдин!»

Он всю дорогу мотал головой и улыбался, радуясь, что все в порядке, даже больше, чем просто в порядке. Но теперь-то мы могли признаться себе, что нас сильно встревожило необъяснимое мамино исчезновение. С ней такого никогда не случалось. Эти переживания заставили нас по-новому осознать всю, можно сказать, святую ценность повседневных ритуалов нашей жизни. И хотя в боковом зеркале отражалось лицо паренька, мечтающего вырваться из оков родительской опеки, в глубине души он, то есть я, тоже ценил эти простые удовольствия.

Теперь настал наш черед заставить ее всполошиться. Ну хотя бы чуточку, заметил отец, просто чтобы она сама почувствовала горечь наших тревог. Мы не спеша доехали до дома тети Клеменс, оставили машину и зашагали вверх по холму, предвкушая раздраженный мамин вопрос:

– Ну и где вас носило?

Я прямо представил себе, как она стоит, упревая руки в боки, но за ее хмурым взглядом таится улыбка, готовая вот-вот озарить лицо. Конечно, она посмеется, услышав от нас всю историю с самого начала.

Мы шли по щебеночной дорожке к дому. Рядом с ней мама высадила ровным рядом анютины глазки, которые выращивала в картонных коробках из-под молока. Она высадила их ранней весной. Это были единственные цветы, способные выдержать заморозки. Подойдя к дому, мы увидели, что мама так и сидит в машине перед закрытой гаражной дверью. По положению ее тела я сразу понял: что-то с ней не так – она сидела неподвижно, точно закаменела на водительском сиденье. И тут отец побежал. Добежав до машины, он распахнул левую переднюю дверцу. Ее руки сжимали руль, и она смотрела прямо перед собой невидящим взглядом – тот же взгляд я заметил на ее лице, когда она промчалась мимо нас на шоссе в противоположную от города сторону. Тогда, заметив ее застывшее лицо, мы рассмеялись. Ну, ясное дело: она злилась, что зря сожгла бензин!

Я поспешил за отцом. Осторожно ступая, чтобы не помять фигурные листочки и бутончики анютиных глазок, отец взял маму за руки и, осторожно разжав ее пальцы, отнял от руля. Потом обнял за локти, помог подняться с сиденья и поддержал, а она подалась к нему, полуогнувшись в пояс, в той же позе, в какой сидела за рулем. Мама бессильно припала к нему на грудь, не глядя на меня. Верх ее платья был запачкан блевотиной, а по всей юбке и по серой обивке сиденья расплзлась ее темная кровь.

– Беги к Клеменс, – велел отец. – Беги к ним и скажи, что я везу мать в город, в отделение скорой помощи. Пусть они едут в больницу!

Одной рукой он открыл заднюю дверцу, а потом, словно двигаясь в каком-то жутком танце, подвел маму к заднему сиденью и бережно положил на спину. Потом помог ей повернуться на бок. Она не проронила ни звука, только облизнула кончиком языка потрескавшиеся окровавленные губы. Я видел, как она моргнула, потом нахмурилась. Ее лицо начало опухать. Я обошел машину вокруг и сел на заднее сиденье рядом. Я приподнял ее голову и опустил себе на колено. Я положил руку ей на плечо. Ее мерно потрясывало, словно где-то в глубине ее тела был включен крохотный моторчик. От нее сильно пахло – блевотиной и чем-то еще, не то бензином, не то керосином.

– Я тебя высажу около их дома, – проговорил отец, резко сдавая назад, так что шины завизжали.

– Нет, я поеду с вами. Мне надо ее держать. Мы им позвоним из больницы.

До этого дня я почти никогда не возражал отцу, ни словом, ни делом. И мы даже не заметили, что я сейчас его послушался. Мы уже смотрели друг на друга этим странным взглядом, словно двое взрослых мужчин, к чему я еще не совсем был готов. Но в тот момент это не имело значения. Я крепко обнимал маму, и ее кровь струилась по моей коже. Я дотянулся до багажной полки под задним окном и сдернул оттуда старенькое лоскутное одеяло, которое всегда там лежало. Маму так трясло, что я даже испугался, как бы она не рассыпалась.

– Скорее, пап!

– Да, – кивнул он.

И мы понеслись. Стрелка спидометра доползла до девяноста миль. Мы буквально летели.

Иногда голос моего отца гремел как гром. Знавшие его вспоминали, что он специально тренировался, чтобы говорить так громкоподобно. В юности у него был совсем не такой голос, но ведь ему приходилось выступать в зале суда. И вот теперь его громкоподобный голос заставил дрожать стекла в приемном покое. Как только санитары положили маму на каталку, отец отправил меня звонить тете Клеменс и ждать ее в холле. Теперь, когда его гнев заполнил все пространство отделения скорой помощи, а его голос звучал оглушительно и четко, я успокоился. Что бы ни произошло с мамой, все можно будет исправить. Потому что отец был разъярен. Он редко проявлял ярость – но всегда с нужным ему результатом. Он держал маму за руку, когда ее везли на каталке в отделение скорой помощи. За ними закрылись двери.

Я сидел в кресле из гнutoго оранжевого пластика. Тощая беременная прошла мимо распахнутой дверцы нашей машины, с любопытством проводила взглядом каталку с мамой, потом записалась у дежурной сестры, плюхнулась напротив меня рядом с молчаливой старушкой со спицами и схватила со столика зачитанный журнал «Пипл».

– Разве у вас, индейцев, тут нет своей больницы? – сварливо спросила она. – Вы же вроде строите новую?

– Отделение скорой помощи еще не закончено, – объяснил я.

– И все же... – начала она.

– Все же что? – Я постарался произнести эти слова с вызовом и издевкой.

Я никогда не вел себя как другие индейские мальчишки, которые даже в гневе опускали глаза и затыкались. Но мама научила меня вести себя иначе.

Беременная поджала губы и уткнулась в свой журнал.

Старушка молча вывязывала большой палец варежки. Я подошел к телефону-автомату, но денег у меня не оказалось, и я, отправившись к стойке дежурной сестры, попросил разрешения позвонить с ее телефона. Мы все жили недалеко от больницы, и звонок был местный, поэтому сестра разрешила. Но трубку в доме тети Клеменс никто не взял. Я понял, что она потащила дядю Эдварда в церковь к святому причастию, как это обыкновенно бывало в воскресные вечера. По его словам, пока Клеменс причащалась, он медитировал о том, как же так получилось, что процесс превращения обезьян в людей завершился ритуалом, в котором люди разевали рты, чтобы откусить кусок белого крекера. Дядя Эдвард преподавал естествознание.

Я вернулся в приемный покой и сел как можно дальше от беременной тетki, но помещение было слишком маленьким, так что отдалиться от нее мне не удалось. Она листала журнал. На обложке была фотография Шер. Я смог прочитать слова под подбородком у Шер: «Благодаря ей „Во власти луны“⁴ стала мегахитом, ее любовнику 23 года, и она настолько крута, что может сказать: „Свяжешься со мной – и я тебя убью!“» Но Шер вовсе не выглядела крутой.

⁴ Комедийная мелодрама с Шер и Николасом Кейджем в главных ролях (1987).

Она была похожа на удивленную целлулоидную куклу. Костлявая брюхатая тетка скользнула взглядом по Шер и обратилась к старушке с вязанием:

– Похоже, у этой бедняжки был выкидыш, а может... – тут она добавила насмешливую интонацию, – ...ее изнасиловали?

Она взглянула на меня, и ее губа вздернулась вверх, обнажив кроличьи зубы. Ее немытые соломенные волосы качнулись. Я поглядел на нее в упор, прямо в ее карие глаза без малейшего намека на ресницы. И потом я вдруг инстинктивно совершил нечто странное. Я встал, подошел к ней и вырвал из рук журнал. Не сводя с нее глаз, я отодрал обложку и бросил журнал на столик. Я разорвал обложку пополам, разделив симметричные брови Шер. Старушка с вязанием сморщила губы, считая про себя петли. Я отдал беременной разорванную обложку. Она ее безропотно взяла. Потом мне вдруг стало жалко Шер. Что плохого она мне сделала? Я встал и вышел за дверь.

Я стоял на улице. Сюда доносился голос беременной – громкий, торжествующий: она жаловалась сестре. Солнце почти село, стало прохладно. С наступлением сумерек и меня незаметно охватил холодок. Я начал подпрыгивать и размахивать руками. Мне было все равно. Я не собирался туда возвращаться, пока там сидела беременная или пока не вышел отец и не сказал, что с мамой все в порядке. Но я не мог не думать о том, что сказала эта тетка. Произнесенные ею два слова больно ранили мои мысли, чего она и добивалась.

Выкидыш. Слово, значение которого я не вполне понимал, но знал, что оно имеет отношение к младенцам. Но это, я знал, было невозможно. Мама сказала мне еще шесть лет назад, когда я донимал ее просьбами о братике, что врач сделал так, что после меня у нее никогда бы не было детей. Этого просто не могло быть, так что оставалось второе слово.

Через некоторое время я увидел, как дежурная сестра заводит беременную тетку в отделение скорой помощи. Я понадеялся, что ее не положат рядом с мамой. Я вернулся в помещение и снова набрал номер тети. Она сняла трубку и сказала, что оставит Эдварда присмотреть за Мушумом, а сама приедет в больницу. И еще она спросила, что случилось, – и зря.

– У мамы кровотечение, – ответил я. Тут у меня возник комок в горле, и я не смог больше сказать ни слова.

– Она ранена? Она попала в аварию?

Я с трудом выдавил, что не знаю, и тетя Клеменс дала отбой. Из отделения скорой помощи вышла медсестра и с бесстрастным лицом пригласила меня к маме. Сестра явно не одобряла желание мамы повидаться со мной. Она настаивает, уточнила сестра. Мне захотелось броситься туда бегом, но я сдержался и проследовал за ней через ярко освещенный холл в бокс – комнатку без окон, заставленную металлическими зелеными шкафами со стеклянными дверцами. В боксе царил полумрак. Маму переодели в тонкий больничный халат. Ноги обернуты простыней. Крови не видно. Отец стоял у кровати, положив руку на металлическую перекладину изголовья. Сначала я на него даже не взглянул – я смотрел на нее. Моя мама была красивая женщина – это я всегда знал. Это считалось неоспоримым фактом и среди родственников, и среди чужих. У нее, как и у тети Клеменс, кожа была цвета кофе со сливками, блестящие черные локоны. Обе они не располнели даже после родов. Обе были спокойные и сдержанные, у обеих были внимательные глаза и пухлые голливудские губы. Но когда им в рот попадала смешинка, с них спадала пелена благородной серьезности, и они начинали хохотать, как безумные, прихрюкивая, икая и фыркая, даже попукивая, что вызывало у них просто истерические приступы смеха. Они любили доводить друг дружку до таких припадков, но иногда и отец мог насмешить их до колик. Даже в такие минуты они все равно оставались красавицами.

Теперь я увидел, что мамино лицо все исцарапано и раздулось, превратившись в уродливую маску. Она смотрела на меня сквозь щелочки опухших век.

– Что случилось? – задал я дурацкий вопрос.

Мама не ответила. Из уголков ее глаз текли слезы, и она утирала их перебинтованным кулаком.

– Я в порядке, Джо. Сам погляди. Видишь?

И я поглядел на нее. Но она совсем была не в порядке. Ее лицо, покрытое ссадинами от ударов, было жутко перекошенным. Кожа утратила обычный смуглый цвет, стала пепельно-серой. На губах запеклась кровь. Вошла сестра и рычагом подняла изножье кровати. Положила на маму еще одно одеяло. Я склонил голову и подался к ней. Я попытался было погладить ее перебинтованную руку и холодные сухие пальцы. Мамина реакция меня ужаснула. Она вскрикнула и отдернула руку, словно я мог сделать ей больно, потом замерла и прикрыла глаза.

Я взглянул на отца – тот поманил меня к себе. Он обнял меня и выпроводил из комнаты в коридор.

– Мама не в порядке, – заметил я.

Он посмотрел сначала на часы, затем на меня. На его лице застыло выражение скрытой ярости – как у человека, который слишком медленно соображал.

– Она не в порядке, – повторил я, словно хотел донести до него сделанное мной тревожное открытие. И в какое-то мгновение мне почудилось, что его сейчас прорвет. Я увидел, как что-то набрякает, поднимается в его душе, но он сдержался, глубоко выдохнул и взял себя в руки.

– Джо... – Он снова украдкой бросил взгляд на часы. – Джо, мама подверглась нападению.

Мы стояли в коридоре под зудящими и подмигивающими лампами дневного света. И я выговорил первое, что пришло мне в голову:

– Кто? Кто подвергнул ее нападению?

Чудно, мы оба осознали, что в другой ситуации первой реакцией отца было бы поправить мою грамматику. Мы глядели друг на друга, но он ничего не сказал.

У моего отца голова, шея и плечи высокого сильного мужчины, а все остальное тело – самое обыкновенное. Даже можно сказать, немного неуклюжее и вялое. Но если подумать, то такое телосложение вполне подходит судье. Восседая на скамье, он выглядел весьма импозантно, зато когда беседовал у себя в судейской комнате (вернее, в облагороженном чулане), то совсем не казался грозным, и люди ему верили. Его голос мог не только греметь как гром, но и выражать разные нюансы эмоций, а порой мог быть очень мягким и тихим. И вот теперь меня испугал этот его мягкий тихий голос – почти шепот.

– Она не знает, кто на нее напал, Джо.

– Но мы же его найдем? – Я тоже перешел на шепот.

– Мы его найдем, – сказал отец.

– И что потом?

Отец никогда не брился по воскресеньям, и к концу дня у него на подбородке всегда вылезала поросль седых щетинок. И я заметил, как в нем опять что-то заклокотало, готовое вот-вот вырваться наружу. Но вместо этого он положил мне руки на плечи и произнес тем же сдавленным шепотом, который так меня напугал.

– Сейчас я не могу так далеко загадывать.

Я положил ладони на его руки и заглянул ему в глаза. В его умиротворяющие карие глаза. Мне хотелось быть уверенным, что, кто бы ни напал на маму, его обязательно найдут, осудят и убьют. Отец прочитал это желание в моем взгляде. Его пальцы впились в мои плечи.

– Мы поймаем его, – быстро произнес я. И когда я это выговорил, меня обьял страх, голова закружилась.

– Да!

Он убрал руки с моих плеч.

– Да, – повторил он. Потом постучал ногтем по циферблату часов и закусил губу. – Теперь, если приедет полиция, им потребуется заявление. Они уже, наверное, приехали.

Он повернулся с намерением вернуться в бокс.

– А какая полиция? – спросил я.

– То-то и оно! – отозвался он.

Сестра не хотела впускать нас в бокс, и пока мы стояли под дверью, приехали полицейские. Их было трое. Они вошли в двери отделения скорой помощи и молча встали в холле. Один был из полиции штата, другой – из городской полиции Хупдэнса, и еще Винс Мэдвезин, из полиции племени. Отец настоял, чтобы каждый взял у мамы заявление, потому что было не совсем ясно, в какой юрисдикции совершено преступление: на земле штата или на земле племени, – и кто его совершил: индеец или нет. Я уже примерно знал, что такие вопросы будут крутиться вокруг фактов. И еще я знал, что эти вопросы не изменяют фактов. Но они непременно изменяют тактику наших усилий в поисках правосудия. Отец сжал мое плечо и направился к полицейским. Я остался у стены. Все полицейские были выше отца. Но они его знали и чуть нагнулись, чтобы получше расслышать его слова. Они слушали его очень внимательно, не спуская с него глаз. Он говорил, сцепив руки за спиной и время от времени глядя себе под ноги. Он бросал на каждого из них взгляд исподлобья и снова смотрел в пол.

Каждый полицейский входил в бокс с записной книжкой и ручкой и выходил оттуда минут через пятнадцать с ничего не выражающим лицом. Потом они пожали отцу руку и быстро удалились.

В тот день дежурил молодой доктор по фамилии Эгги. Это он осматривал маму. Когда мы с отцом вошли к маме в бокс, доктор Эгги уже был там.

– Я бы не рекомендовал мальчику... – начал доктор.

Мне показалось забавным, что его лысеющая округлая голова напоминала яйцо, словно оправдывая его фамилию⁵. Его овальное лицо, спрятанное за черными колесиками очков, выглядело знакомым, и я вспомнил, что именно такие смешные лица мама обычно рисовала на скорлупе вареных яиц, заставляя меня их есть.

– Моя жена снова хочет видеть Джо, – объяснил отец доктору Эгги. – Ей хочется, чтобы он убедился, что она в порядке.

Доктор Эгги молчал. Он только бросил на отца пронзительный строгий взгляд. Отец отступил от доктора Эгги и попросил меня сходить в приемный покой посмотреть, не подъехала ли тетя Клеменс.

– Я бы хотел повидать маму.

– Я за тобой приду, – строго ответил отец. – Иди!

Доктор Эгги смотрел на отца еще более суровым взглядом. Я отвернулся от них, сгорая от строптивого нежелания уходить. Доктор Эгги и отец, тихо переговариваясь, пошли прочь. Мне жутко не хотелось никуда идти, поэтому я стоял и смотрел им вслед. Они остановились перед дверью в мамин бокс. Доктор Эгги перестал говорить и пальцем поднял съехавшие очки на переносицу. Отец шагнул к стене с таким видом, словно собрался пройти сквозь нее. Он прижал лоб и ладони к стене и замер, закрыв глаза.

Доктор Эгги обернулся и заметил меня в дверях. Он молча ткнул пальцем в сторону приемного покоя. Ты еще слишком мал, говорил его жест, чтобы лицезреть переживания отца. Но в последние несколько часов я все упрямее противился авторитету взрослых. Вместо того, чтобы вежливо скрыться с глаз долой, я подбежал к отцу, отстранив доктора Эгги. Я сунул руки под пиджак отца и обхватил руками его мягкий торс, сильно прижался к нему, да так и остался стоять молча, дыша в унисон с ним, всхлипывая и ловя губами большие глотки воздуха.

⁵ По-английски egg (эгг) – куриное яйцо.

Много позднее, когда я уже сам стал юристом, вернулся в родной город и изучил все документы, какие только смог найти, каждое заявление и заново пережил каждый момент того дня и последующих дней, я понял: вот когда доктор Эгги рассказал отцу во всех подробностях о серьезности увечий, нанесенных маме. Но после того, как тетя Клеменс отвела меня в сторону, мое внимание привлек только заметный уклон пола в холле. Я вышел за двери отделения скорой помощи, оставив тетю Клеменс наедине с отцом. После того, как я просидел полчаса, не меньше, в приемном покое, пришла тетя Клеменс и сообщила, что маму повезли на операцию. Она взяла меня за руку. Мы сидели вместе, глаза на картину, изображающую женщину времен освоения Дикого Запада на склоне холма под палящим солнцем и лежащего рядом с ней под черным зонтиком младенца. Мы с тетей пришли к выводу, что картина – дурацкая, и мы ее теперь активно ненавидели, хотя картина была в этом не виновата.

– Я тебя заберу к нам, поспишь в комнате Джозефа, – сказала тетя Клеменс. – И в школу завтра поедешь от нас. А я сюда вернусь и подожду результатов.

Я был вымотан, голова раскалывалась, но я поглядел на нее, как будто она спятила. Потому что только спятившая могла подумать, что я завтра отправлюсь в школу. Теперь о нормальной жизни можно было забыть. И коридор отделения скорой помощи, который шел под уклон, утыкался в приемный покой, где я и буду ждать.

– Ну хоть тут поспи, – сказала тетя Клеменс. – Тебе не повредит немного поспать. Так и время пройдет, и не надо будет пялиться на эту дурацкую картину.

– Это было изнасилование? – спросил я.

– Да, – коротко ответила она.

– Было еще что-то, – сказал я.

В нашей семье ничего не скрывали. Будучи католичкой, моя тетя была не из тех, кто изъяснялся эвфемизмами. Отвечая на мой вопрос, она заговорила спокойно и торопливо.

– Изнасилование – это принуждение к сексу. Мужчина может принудить женщину к сексу. Вот это и произошло.

Я кивнул. Но мне хотелось узнать еще кое-что.

– А она умрет от этого?

– Нет, – не задумываясь, ответила тетя Клеменс. – Она не умрет. Но иногда... – Она закусил губы, так что они вытянулись в скорбную линию, и покосилась на картину. – ...возникают осложнения, – подумав, закончила она фразу. – Ты же видел, что ей плохо? Ей очень больно. – Тетя Клеменс тронула свою щеку, слегка подрумяненную и напудренную перед походом в церковь.

– Да, видел.

Наши глаза наполнились слезами, и мы отвернулись друг от друга, и я стал смотреть на ее сумочку, куда она сунула руку в поисках бумажной салфетки. Мы поплакали немного, потом она достала упаковку салфеток. Ну наконец-то... Мы утерли слезы, и тетя Клеменс продолжала:

– Иногда это бывает очень жестоко, с применением физической силы.

«Жестоко изнасиловали», – подумал я.

Я знал, что эти два слова часто употребляют вместе. Наверное, я их видел в каком-то отчете о судебном процессе, прочитанном мной в одной из отцовских книг, или в газетной статье, или в дешевом детективчике, который я нашел у дяди Уайти на его самодельной книжной полке.

– Бензин, – сказал я. – Я его учуял. Почему от нее пахло бензином? Она что, ездила на заправку дяди Уайти?

Тетя Клеменс вытаращилась на меня. Бумажная салфетка застыла около ее носа, и ее кожа стала цвета застарелого снега. Она вдруг согнулась и ткнулась головой в свои колени.

– Со мной все хорошо, – произнесла она сквозь бумажную салфетку. Ее голос звучал нормально, даже равнодушно. – Не беспокойся, Джо. Мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок. Но все прошло.

Собравшись с силами, она встала и похлопала меня по руке. Больше я ее о бензине не спрашивал.

Я заснул на пластиковой кушетке, и кто-то укрыл меня больничным одеялом. Во сне я вспотел, и, когда проснулся, моя щека и локоть приклеились к пластику. Я с трудом отклеился – этот процесс сопровождался неприятными ощущениями, – и привстал на локте.

В противоположном углу доктор Эгги беседовал с тетей Клеменс. Я сразу понял, что дела идут неплохо, что мама пошла на поправку, что операция прошла успешно, и как бы ужасно ни было то, что случилось, теперь-то хуже не будет. Поэтому я прижал лицо к липкому зеленому пластику кушетки, который уже не вызывал у меня неприятного ощущения, и снова уснул.

Глава 2

Одинокие среди нас

В детстве у меня было три друга. С двумя я до сих пор дружу. А от третьего остался белый крест на шоссе у границы штата Монтана. То есть я хочу сказать, там место его физической кончины, а что касается его духа, то я ношу его с собой в виде черного круглого камешка. Он подарил его мне, когда узнал, что произошло с мамой. Его звали Верджил Лафурнэ, или Каппи. Он уверял меня, что нашел этот камешек на земле возле ствола расщепленного молнией дерева и что этот камень – священный. Он называл его яйцом буревестника. Каппи дал его мне в тот день, когда я вернулся в школу. И всякий раз, ловя на себе сочувственный или любопытствующий взгляд одноклассника или учителя, я трогал подарок Каппи.

Прошло пять дней с тех пор, как мы нашли маму в машине на подъездной дорожке. Я отказывался ходить в школу, пока она не вернется из больницы. А она торопилась выписаться и обрадовалась, оказавшись дома. В то утро она попрощалась со мной из кровати в их с отцом спальне на втором этаже.

– Каппи и другие друзья тебя уж заждались, – заметила она.

Мне пришлось снова пойти в школу, хотя до летних каникул оставалось всего две недели с небольшим.

«Когда мне станет лучше, – пообещала мама, – я испеку пирог и сделаю вам сэндвичи с мясным фаршем». Ей всегда нравилось нас кормить.

Другими моими школьными друзьями были Зак Пис и Энгус Кэшпо. В те дни мы четверо старались почаще держаться вместе, хотя все знали, что мы с Каппи неразлейвода. Мать Каппи умерла, когда он еще был маленьким, и обрекла его старшего брата Рэндалла и их отца Доу Лафурнэ на новую жизнь, которая быстро превратилась в неудобное существование в холостяцком доме без женского пригляда. Хотя Доу время от времени заводил себе подружек, второй раз он так и не женился. Он работал уборщиком в управлении резервации, иногда выполняя обязанности председателя племени. Когда его первый раз выбрали на эту должность в 1960-х, он стал получать приличное жалование, что позволило ему продолжать работать уборщиком на полставки. А когда ему надоело быть председателем, он решил не переизбираться и стал подрабатывать еще и ночным сторожем. В семидесятые годы федеральное правительство начало финансировать органы индейского самоуправления, и наше племя самостоятельно занялось организацией повседневной жизни. Доу по-прежнему время от времени выполнял обязанности председателя. То есть люди избирали Доу председателем, когда им надоел бывший на тот момент председатель. Но как только Доу вступал в должность, начинались дразги, обмен жалобами, на полную катушку запускаясь машина сплетен – словом, вся та неизбежная возня, без которой не обходится политическая жизнь резервации и которая всегда является уделом каждого, кто возносится слишком высоко и привлекает слишком пристальное общественное внимание. Когда Доу от интриг становилось совсем нелегко, он отказывался баллотироваться на новый срок. Он собирал в офисе председателя личные вещи, включая официальные бланки и конверты, которые он заказывал в типографии за свой счет: Доу Лафурнэ, председатель племени. В течение многих лет в доме у Каппи не переводилась бумага для рисования. Но преемник Доу предсказуемо становился жертвой точно такого же обращения. И, разумеется, рано или поздно, жалобщики и интриганы из числа избирателей Доу обрабатывали его так, что он терял терпение и снова выставлял свою кандидатуру на очередных выборах. В 1988 году Доу как раз находился в добровольной отставке и частенько рыбачил с нами. Мы половину зимы проводили в рыбацкой хижине у Доу, скрываясь от северного ветра и тайком попивая пиво.

В тот год родители Зака Писа расстались во второй раз. Его отец Корвин Пис был музыкантом и вечно пропадал на гастролях. Его мать Карлин Тандер издавала газету племени. А отчим Винс Мэдвезин служил в полиции племени, и именно он опрашивал маму после изнасилования. Зак был почти на десять лет старше своих младших братишки и сестренки, потому что его родители первый раз поженились в совсем юном возрасте, потом развелись, а потом решили предпринять новую попытку создать семью и быстро поняли, что правильно сделали, когда развелись в первый раз. У Зака был музыкальный талант, в этом он пошел в отца, и он нередко приносил в хижину гитару. Он уверял, что знает тысячу песен.

Что до Энгуса, то он родился в той части резервации, где обитали потомственные нищие. Племя получило деньги на финансирование государственного проекта жилищного строительства – это были многоэтажки приятного коричневого цвета на окраине Хупдэнса. Дома были окружены пустырями, сплошь заросшими травой, – ни деревца, ни кустика вокруг. Когда возвели коробки домов, деньги закончились, на входные лестницы средств не осталось, поэтому новоселы были вынуждены пользоваться фанерными настилами, чтобы входить и выходить, или попросту запрыгивали в подъезды с земли и так же выпрыгивали. Стар, тетка Энгуса, перевезла в новую четырехкомнатную квартиру племянника, и его двух братишек, и двух детей своего бойфренда, и целый выводок (чей состав постоянно менялся) вечно беременных сестер и кузин, то беспрерывно пьющих, то бросающих пить. Тетя Стар лихо управляла этим сумасшедшим домом. Помимо отсутствующего крыльца, сам дом был тот еще кошмар и ужас. Подрядчик сэкономил на утеплении стен, так что зимой тете Стар приходилось всю ночь держать духовку включенной, а кухонную дверь – нараспашку, и не открывать кран горячей воды в кухне, иначе вода в трубах отопления замерзла бы на морозе. Зияющие щели между стенами и оконными рамами с сетками приходилось затыкать тряпьем, потому что гипсокартон, на котором держались дешевенькие алюминиевые каркасы рам, рассохся и истончился. Вскоре после заселения окна стали просто выпадать из проемов, кое-как приделанные сетки отлетели. В квартире все разваливалось. Водопроводные краны и трубы текли. Я даже наострился как заправский слесарь заклеивать трубу вечно протекающего унитаза клейкой лентой и воском. Тетя Стар постоянно угощала нас жареными в масле лепешками, и мы взамен были готовы то сделать какой-то мелкий ремонт в доме, то из помятого колпака от автомобильного колеса смастерить спутниковую антенну для телевизора.

Кстати, когда она закрутила роман с Элвином, любовью всей своей жизни, мы и впрямь наладили спутниковую антенну. У тети Стар был огромный телевизор, который она купила на выигрыш в лото – то было единственный раз в ее жизни, когда ей удалось сорвать солидный куш. Так вот мы с помощью Элвина использовали какое-то старенькое оборудование и поймали телевизионные сигналы из Фарго, Миннеаполиса и даже из Чикаго и Денвера. Спутниковая антенна заработала в сентябре 1987 года – как раз мы успели к началу сезонных премьер телешоу на разных общенациональных каналах. Мы так здорово настроили антенну на прием, что иногда она ловила даже передачи из определенных городов, и нам все время приходилось перенастраивать ее в зависимости от смены погодных условий и магнитного поля Земли. Наша охота на ту или иную передачу не всегда увенчивалась успехом, но зато не пропустили ни одной серии «Звездного пути». Не старого сериала, а нового – «Следующее поколение». Мы обожали «Звездные войны», у нас были там любимые реплики, но жили мы среди героев «Следующего поколения».

Естественно, каждый из нас хотел быть Уорфом. Каждый хотел принадлежать к расе клингонов. В любой опасной ситуации у Уорфа было всегда одно решение: атаковать! В эпизоде «Правосудие» мы узнали, что Уорфу не нравился секс с земными женщинами, потому что они были слишком хрупкими, и ему приходилось умерять свой пыл. И мы, оказываясь среди симпатичных девчонок, шутили так: «Эй, умерь-ка свой пыл!» В эпизоде «Игра в прятки с Кью» идеальная девушка-клингонка набросилась на Уорфа – такая горячая была штучка,

просто ухочешься! А Уорф был легковозбудимый, благородный и красивый – даже с черепашиным панцирем на лбу. После Уорфа нам нравился Дейта, потому что он копировал повадки белых членов экипажа, проявляя любопытство к глупостям, которые те говорили или совершали, а еще потому, что, когда красавица Яр напилась, он объявил, что у него все системы функционируют нормально, и занялся с ней сексом. Уэсли, с кем, как вы могли бы подумать, мы все себя ассоциировали, ведь этот гений был нашего возраста и у него была безалаберная мамаша, из-за которой он вечно попадал во всякие передрыги, нас совершенно не интересовал, потому что это был высокомерный слюнтяй, щеголявший в дурацких свитерах. Мы, конечно, все были влюблены в чуткую полубетазюиду Диану Трой, особенно когда она по ходу сериала отравила себе длинные вьющиеся локоны. У ее комбинезонов был низкий вырез на груди, стрела на ее красном поясе указывала сами-знаете-куда, и ее большая голова и короткое тело с откровенными выпуклостями приводили нас в экстаз. Коммандер Райкер, по сценарию, был от нее без ума, но нам он казался скованным и неправдоподобным. Ему стало лучше с бородой, скрывшей его детские щечки. Но все равно мы представляли себя Уорфом. Что касается капитана Пикара, то он же был стариком, правда, стариком-французом, и поэтому он нам нравился. Еще нам нравился Джорди, ведь, как оказалось, ему постоянно было больно, потому что он носил на глазах визор, что делало его внешность благообразной.

Я почему обо всем этом рассказываю – потому что из-за этого сериала наша четверка и держалась особняком в школе. Мы делали раскадровки, рисовали комиксы и даже попытались сами написать сценарий одного эпизода. Мы вообразили, будто обладаем каким-то особым знанием. Мы только начали взрослеть и уже задумывались над тем, кем станем. Воображая себя персонажами «Следующего поколения», мы забывали о своей нищете, своих страхах и обидах, о том, что кто-то из нас рос без матери. Мы были крутыми, потому что никто не понимал, о чем это мы толкуем.

В первый день, как я вернулся в школу, Каппи проводил меня до дома. Сегодня странно видеть людей на территории резервации, если они ходят не по специальным дорожкам, протоптанным любителями бега. Но в конце восьмидесятых молодежь еще разгуливала по местности в свое удовольствие, и поскольку мы с Каппи жили почти в миле от школы, мы частенько подбрасывали монетку, чтобы выяснить, кто к кому идет в гости. У Каппи дома всегда стоял галдеж, потому что Рэндалл частенько зазывал к себе друзей, а в моем доме был телевизор с игровой приставкой, и мы могли сражаться в «Бионических командос» – от этой игры мы фанатели.

В школьном коридоре Каппи дал мне яйцо буреветника и рассказал о нем по дороге домой. Он уверял, что, когда нашел его, расщепленное молнией дерево еще дымилось. Я сделал вид, будто поверил ему. И без всяких слов было понятно, что Каппи решил просто проводить меня до дома и не собирался заходить. Да я бы ему и не позволил. Маме не хотелось никого видеть. Хотя отец намеревался взять отпуск и уже договорился с другим судьей, ушедшим в отставку, чтобы тот временно его заменил, он все еще работал с бумагами в своем кабинете. Он заранее предупредил, что весь день будет проводить маму в спальне, добавив, что она обрадуется, когда я вернусь домой. Когда мы притопали к дому, на крыльце показалась тетя Клеменс и сообщила, что ей только что позвонил сосед и сказал, что Мушум вышел во двор. Поэтому, как она суежилась, я сделал вывод, что старик, наверное, забыл надеть штаны. Она села в свою машину и укатила. Доведя меня до моего дома, Каппи развернулся и побрел к своему, а я пошел к задней двери. Завернув за угол, я заметил, что выдеранные мной чахлые деревца с пожухлыми листочками так и лежат рядком на бетонной дорожке и умирают. Я положил сумку с учебниками, сгреб их в охапку и осторожно положил на кромку газона. В этот момент я пожалел эти погибшие деревца и понял, что мне страшно войти в дом. Такого чувства я не ощущал никогда раньше. Потом я дернул дверь, но обнаружил, что она заперта.

Сначала я очень удивился и даже поддал дверь ногой, думая, что ее заклинило. Но нет, задняя дверь была заперта. А наша входная дверь захлопывалась автоматически – тетя Клеменс, наверное, просто забыла об этом. Я достал запасной ключ из нашего тайничка, отпер дверь и медленно вошел в дом, стараясь двигаться как можно тише, не хлопать дверью и не бросать с грохотом сумку с книгами на кухонный стол, как я это обычно делал. В любой другой день мамы бы еще не было дома, и я бы ощутил ту самую приятную легкость, которую ощущает любой подросток, вернувшись домой и зная, что на пару часов весь дом в его полном распоряжении. Что можно самому сделать сэндвич так, как хочется. Что если антенна принимает нормально, можно поймать какой-нибудь дневной сериал и посмотреть. Что в шкафу найдется печенье или еще какие-то вкусности, припрятанные мамой, но не так, чтобы их нельзя было обнаружить. Что можно порыться в книгах на полке в родительской спальне и найти увлекательный роман вроде «Гавайев» Джеймса Миченера, из которого я узнал массу занятных, но совершенно бесполезных сведений о сексуальной жизни полинезийцев, – но сегодня возвращение домой меня не обрадовало. Впервые на моей памяти задняя дверь оказалась запертой, и мне пришлось выуживать запасной ключ из-под крыльца, где он висел на гвоздике – им пользовались родители, только когда мы всей семьей уезжали далеко и надолго.

И вот какое у меня возникло ощущение: обычный поход в школу сегодня был долгим-долгим путешествием – и вот теперь я вернулся.

Воздух в доме казался непривычно мертвым, спертым, каким-то безвкусным. И тут я понял: это оттого, что с того дня, как мы нашли маму в машине перед гаражом, никто в доме не пек, не жарил, не варил и никаким другим образом не готовил еду. Отец только варил кофе, который пил с утра до вечера. Тетя Клеменс приносила нам жаркое в формах для запекания, и эти запеканки, недоеденные или нетронутые, громоздились в холодильнике. Я тихо позвал маму и начал подниматься по лестнице на второй этаж, как вдруг заметил, что дверь в родительскую спальню плотно закрыта. Тогда я вернулся и зашел в кухню. Открыл холодильник, налил холодного молока в стакан и сделал большой глоток. Молоко оказалось прокисшим. Я вылил его в раковину, вымыл стакан, наполнил из-под крана и стал медленно пить железистую воду, добытую из недр земли нашей резервации, пока не смыл с языка противный кислый привкус. Потом постоял с пустым стаканом в руке. Сквозь открытую дверь виднелась часть обеденного гарнитура: овальный стол из массива клена и шесть стульев вокруг него. Гостиная отделялась от столовой рядом низких полок. Вход в небольшую комнатку, окаймленную книжными стеллажами – это был кабинет отца, – загораживала кушетка. Сжимая стакан, я поймал себя на том, что в нашем небольшом доме стоит странная гробовая тишина, какая обычно наступает после мощного взрыва. Все стихло, даже тиканье настенных часов. Отец отключил их, когда мы вернулись домой из больницы. «Я хочу новые часы», – заявил он. А я стоял и смотрел на наши старые часы, чьи стрелки бессмысленно замерли на двадцати минутах двенадцатого. Солнечный свет рассыпался по полу кухни золотыми лужицами, но это было грозное сияние, точно световой луч, пронзивший западную тучу. Меня охватил неодолимый страх, я ощутил вкус смерти, похожий на вкус скисшего молока. Я поставил стакан на стол и пулей метнулся вверх по лестнице. Влетел в родительскую спальню. Мама спала так глубоко, что, когда я подскочил к краю кровати и бухнулся на колени, она спросонья ударила меня по лицу. Она хватанула меня локтем прямо по челюсти так, что я чуть не отлетел в сторону.

– Джо, – проговорила она, вся дрожа. – Джо...

Я решил не подавать вида, что она сделала мне больно.

– Мам... молоко скисло.

Она опустила руку и села в постели.

– Скисло?

Раньше у нее молоко в холодильнике никогда не скисало. В ее детстве холодильников не знали, и мама всегда гордилась, в какой чистоте содержится ее любимый «ледовый шкаф». Она

всегда очень щепетильно относилась к свежести хранимых там продуктов. Даже обзавелась пластиковой посудой «Тапервер» на выставке-продаже. Как же молоко могло скиснуть?

– Ну да, – повторил я. – Скисло.

– Надо сходить в магазин!

Ее безмятежное спокойствие улетучилось – нервный ужас исказил черты ее лица, отчего проявились синяки и черные круги вокруг глаз, как у опоссума. У нее запульсировали на висках жилки нездорового зеленоватого оттенка. Челюсть у нее была фиолетовая. А брови, всегда такие выразительные, способные передать иронию и любовь, теперь сошлись на переносице знаком боли и страдания. Две вертикальные морщинки, черные, словно проведенные маркером, прорезали ее лоб. Пальцы вцепились в краешек одеяла. Скисло!

– Мам, у дяди Уайти на заправке теперь продается молоко. Я могу сгонять туда на велике!

– Точно продается? – Она взглянула на меня так, словно я героически спас ей жизнь.

Я принес ей сумочку. Она вынула оттуда пятидолларовую бумажку и дала мне.

– Купи еще какой-нибудь еды, – сказала она. – Чего хочешь. Вкусненького. – Она с трудом ворочала языком, и я сообразил, что ей, наверное, дали какое-то успокоительное, чтобы она могла заснуть.

Наш дом выстроили в 1940-е годы – это была крепкая постройка в стиле бунгало. В нем когда-то до нас жил руководитель управления по делам индейцев, надменный и шеголеватый коротышка, бюрократ до мозга костей, которого все у нас ненавидели. Дом продали племени в 1969 году и использовали как офисное здание вплоть до того момента, как он попал в список под снос. На его месте должны были возвести новое административное здание. Отец его тогда выкупил и перевез на крохотный земельный участок за городом, которым владел покойный мамин дядя Шаменгва, – если судить по старой фотокарточке в рамке, красивый был мужчина. Мама часто вспоминала, как он чудесно играл на скрипке, но его инструмент похоронили вместе с ним. А на оставшейся части земли, что принадлежала Шаменгве на противоположной окраине города, дядя Уайти выстроил АЗС. Дедушка Мушум владел старой делянкой в четырех милях оттуда, где и жил теперь Уайти. Уайти женился на молодой – потрепанной жизнью высокой блондинке, бывшей стриптизерше, которая теперь сидела за кассой на его заправке. Уайти заливал бензин, менял масло, накачивал шины и делал мелкий ремонт – прямо скажем, его ремонт был так себе. Его супруга вела бухгалтерию, закупала для бакалейной лавчонки при заправке орешки и чипсы и рассказывала клиентам о правилах продажи бензина в розницу. Недавно она приобрела большой холодильник для молочных продуктов. И еще у нее был холодильник поменьше, где стояли бутылочки с апельсиновым и виноградным нектаром «Краш». Звали ее Соня. И я любил ее, как любой мальчишка может любить тетю. Вот только ее груди вызывали у меня несколько иные чувства – они действовали на меня, можно сказать, со «Краш» ительно, оставаясь предметом моего безнадежного вожделения.

Я взял велик и рюкзак. У меня тогда был выдавший виды полуспортивный пятискоростник с горными шинами, клипсой для бутылки с водой и размашистой надписью краской-серебрянкой на раме «Сторм-райдер». Я выбрал раздолбанный проселок, пересек главное шоссе, проехался разок вокруг заправки и лихо затормозил, развернув велосипед поперек дороги, в надежде, что Соня смотрит на меня в окно. Но я ошибся: она сидела в магазине и пересчитывала сухие колбаски в обертках. У нее была потрясающая улыбка – сияющая белозубая, от уха до уха. Когда я вошел, она подняла голову и улыбнулась мне. Точно мое лицо осветила лампа солярия. Ее похожие на сахарную вату волосы были взбиты в корону, и из рыжей копны ей на спину ниспадал лоснящийся конский хвост в полметра длиной. Как всегда, она была расфуфырена будьте-нате: сегодня на ней был голубой спортивный комбинезон в обтяжку, с блестками по краям, причем молния спереди была расстегнута чуть ли не до пупка. У меня перехватило

дыхание при виде ее майчушки из тонкого и почти прозрачного трикотажа. Еще на ней были безупречно белые беговые кроссовки на пружинистой подошве, а в ушах сверкали большие, как головки канцелярских кнопок, хрустальные серьги. Когда она появлялась вся в голубом, что бывало довольно часто, ее голубые глаза, казалось, искрились загадочным электричеством.

– Миленький, – проворковала она, отложив в сторону пачку сухих колбасок и обняв меня. В этот момент ни возле бензоколонки, ни в магазине никого не было. От нее пахло «мальборо», мускусными духами и ее первым за этот день виски со льдом.

Мне везло. Женщины меня обожали. Я тут был ни при чем, но это обстоятельство, сказать по правде, беспокоило моего отца. Он предпринимал отважные попытки противостоять женским чарам, стараясь приучить меня ко всяким мужским радостям: мы играли с ним в бейсбол, в футбол, ходили в походы с палаткой, рыбачили. Рыбачили часто. Едва мне исполнилось восемь, он научил меня водить машину. Отец боялся, что все эти телячьи нежности, которыми осыпали меня женщины, сделают из меня маменькина сынка, хотя и его женщины никогда не обходили вниманием, я же видел: моя бабушка, например, всю жизнь обращалась с ним (да и со мной) невероятно нежно. Но тут свою роль сыграло то, что мое рождение пришлось на бездетный период нашей семейной истории. Когда я появился на свет, Джозеф и Эвелина, мои двоюродные брат и сестра, учились в колледже. Сыновья дяди Уайти от первого брака были совсем взрослые, а отношения Сони с ее дочкой Ландон складывались так напряженно и конфликтно, что, по ее словам, она свое отрожала. И внуки ни у кого у нас еще не появились (пока нет – и слава богу, говорила Соня). Как уже замечено, я был поздним ребенком, запоздалым потомством стареющего поколения нашей семьи, и нередко моих родителей принимали за моих дедушку и бабушку. Ну и еще нельзя забывать, что я, помимо того, что стал полным сюрпризом для мамы и отца, еще был источником их радужных надежд. Так что в детстве на мою долю выпало все – и хорошее, и плохое. Но одним из главных моих преимуществ, которое я особенно ценил, была дозволенная мне близость к грудям Сони.

Когда тетушка заключала меня в свои объятия, я мог прижиматься к ним сколь угодно долго. Правда я никогда не рисковал злоупотреблять своим везением, хотя шаловливые мои руки так и чесались. Полные, податливые, упругие и округлые, груди Сони могли разбить мальчугану сердце. Она гордо носила их, слегка пряча под тонкие футболки с низким вырезом. Талия у нее была все еще тонкая, а бедра призывно выпирали, обтянутые застиранными джинсами. Соня умащала свою кожу детским маслом, но при этом всегда очень быстро ловила загар, и ее миленький шведский носик вечно краснел от солнечных ожогов. Она обожала лошадей, и они с Уайти держали норовистую старую кобылу, быстроногую метиску с кровями арабских скакунов, чалую одноглазую аппалузу по кличке Невидимка и пони. Так что вместе с ароматом виски, духов и табачного дыма от нее частенько пахло сеном, пылью, лошадьми, а если вам хоть раз в жизни довелось вдохнуть этот аромат, потом вы постоянно скучали по нему. Ведь человеку на роду написано жить рядом с лошадьми. У них было еще три собаки – свирепые суки с кличками, придуманными в честь Джэнис Джоплин.

Наша собака подохла за два месяца до того, и мы еще не купили новую. Я раскрыл рюкзак, и Соня положила в него молоко и всякую всячину, которую я взял с полка. Она оттолкнула протянутую мной пятерку и бросила на меня взгляд из-под тонко выщипанных светло-коричневых бровей. Ее глаза наполнились слезами.

– Черт, – пробормотала она. – Оставь меня наедине с пареньком, и я его погублю.

Я не знал, что сказать. Сонины груди выпихнули все мысли из моей головы.

– Как там мама? – спросила она, тряхнув копной волос и смахнув слезы со щек.

Я постарался сосредоточиться. Мама была не очень, и я не мог ответить: «Все хорошо!» Как не мог признаться Соне, как каких-нибудь полчаса назад я испугался, что мама умерла, и

как я подбежал к ней, а она ударила меня – первый раз в жизни. Соня закурила и протянула мне пластинку жвачки.

– Да так себе, – сказал я. – Нервозная.

Соня кивнула.

– Мы приведем ей Пёрл.

Пёрл была поджарой длинноногой собаченцией с широкой головой бультерьера и крепкими, как тиски, челюстями. Окрас у нее был как у добермана, густая, как у овчарки, шерсть, а в характере что-то волчье. Пёрл редко лаяла, но если подавала голос, то распалялась не на шутку. Когда кто-то нарушал незримые границы ее территории, она начинала беспокойно бегать и класать зубами. Пёрл была совсем не компанейской собакой, и мне не хотелось видеть ее у нас дома, но отец не возражал.

– Она же старая, ее уже не приучишь приносить нужные вещи, – уверял я его, когда он вернулся тем вечером с работы.

Мы сидели на кухне и доедали запеканку из сковородки, которую несколько дней назад принесла тетя Клеменс. Отец, по своему обыкновению, сварил в кофейнике некрепкий кофе, который пил как воду. Мама осталась в спальне, от еды она отказалась. Отец положил вилку на стол. По тому, как он это сделал (а отец любил поесть, и если прерывал трапезу, то для него это было равнозначно отказу от любимого обычая, правда, в те печальные дни он ел мало), я понял, что он зол. И хотя в последнее время его жесты стали довольно резкими, и он частенько сжимал кулаки, но вот голос никогда не повышал. Говорил он тихо, рассудительно, доказывая, зачем нам в доме Пёрл.

– Джо, нам нужна собака для охраны. Есть некий мужчина, которого мы подозреваем. Но ему удалось скрыться. А это значит, что он может быть где угодно. Или же, если это не он, настоящий преступник до сих пор остается где-то поблизости.

Я задал вопрос, который обычно задают полицейские в телесериалах:

– А какие улики указывают на то, что это сделал кто-то определенный?

Уверяю вас: отец сначала решил не отвечать. Но в конце концов ответил.

– Правонарушитель, или подозреваемый... кто совершил нападение... – запинаясь, проговорил он, – обронил там спичечный коробок. Судя по этикетке, это коробок из нашего гольф-клуба. Эти спички лежат там на ресепшене, и любой их может взять.

– Поэтому начали проверку с членов гольф-клуба? – спросил я.

Это означало, что напасть на маму мог и индеец, и белый. Наше поле для гольфа всех притягивало как магнитом, гольф в наших краях был своего рода массовым увлечением. Считается, что гольф – забава для богатых, но наша площадка для гольфа заросла косматой травой, а водяными преградами служили обычные лужи. При вступлении в клуб требовалось сделать вступительный взнос. Люди обменивались клюшками, и все кому не лень ими пользовались – кроме отца.

– Да, с членов гольф-клуба.

– А почему он обронил спички?

Отец провел ладонью по глазам и снова стал запинаясь:

– Он хотел... он пытался... ему не удалось зажечь спичку.

– Спичку из коробка?

– Да.

– Ясно. А он ее зажег?

– Нет, спички были мокрые.

– Тогда что же произошло?

Внезапно ощутив, как мои глаза увлажнились, я склонился над тарелкой.

Отец снова поднял вилку и принялся торопливо набивать рот макаронами-болоньезе в томатном соусе – фирменным блюдом тети Клеменс. Отец заметил, что я перестал есть, и ждал, что он скажет, и откинулся на спинку стула. Выпил одним глотком кофе из своей любимой белой фарфоровой кружки. Потом промокнул губы салфеткой, закрыл глаза, открыл их и устремил на меня тяжелый взгляд.

– Ладно, Джо, ты задаешь массу вопросов. Ты мысленно выстраиваешь цепочку событий. Ты это обдумываешь. И я тоже. Джо, преступник не смог зажечь отсыревшую спичку и пошел искать другой коробок. Что-нибудь, чем можно разжечь огонь. И пока он отсутствовал, маме удалось убежать.

– Как?

И впервые с того воскресенья, когда мы выкорчевывали деревца из фундамента, отец улыбнулся, точнее, я бы сказал, попытался изобразить улыбку. Она была совсем невеселая. Позднее, если мне нужно было описать его улыбку, я называл ее улыбкой Мушума. Улыбкой человека в поисках утраченного времени.

– Джо, ты помнишь, как я всегда негодовал, когда мама захлопывала дверцу машины? У нее была – и до сих пор есть – привычка оставлять ключи от машины на приборной доске. Когда она паркуется, она обычно забирает с пассажирского места свои бумаги и пакеты с покупками, потом кладет связку ключей на приборную доску, выходит и машинально захлопывает дверцу. Она вспоминает об оставленных в машине ключах, только когда ей нужно ехать домой. Она начинает рыться в сумочке и не может их там найти. «О нет! – восклицает она. – Неужели опять?» Идет к машине и видит ключи на приборной доске, а машина-то заперта, и тогда она звонит мне. Помнишь?

– Ага! – Я чуть не улыбнулся, когда он описывал ее забывчивость и последующую кутерьму. – Да, папа, она звонит тебе, ты произносишь не очень грубое проклятье, потом берешь запасные ключи и пешком проделываешь неблизкий путь от дома к управлению резервации.

– Не очень грубое проклятье? Откуда ты это взял?

– Черт, да кто ж его знает?

Он снова улыбнулся, протянул руку к моему лицу и ткнул костяшками пальцев мне в щеку.

– Мне же не трудно, – продолжал он. – Но как-то я подумал, а что она будет делать, если меня не окажется дома? Мы вообще-то домоседы. Наша повседневная жизнь довольно однообразна. Но если меня или тебя не окажется дома, кто сможет подскочить к ней на работу на велосипеде и привезти запасные ключи?

– Но такого же еще никогда не было.

– Да, но ты можешь уйти гулять. Или не услышать телефон. И я подумал: «А что, если она где-нибудь вот так окажется перед запертой машиной и без ключей?» И подумав об этом, месяца два назад я приклеил магнитик к днищу жестянки, в которых Уайти продает леденцы. Я положил запасные ключи от машины в эту жестянку и прикрепил ее изнутри к кузову над задним левым колесом. Я видел у кого-то такую же ключницу. Вот как ей удалось убежать.

– Что? – переспросил я. – И как же?

– Она залезла под машину. Нашла там ключи. Он погнался за ней. А она заперлась в машине. Потом включила зажигание и уехала.

Я глубоко вздохнул. Я не мог побороть охватившего меня страха – она испытывала такой же! – и от страха почувствовал жуткую слабость.

Отец снова стал есть, и на сей раз явно решил доесть все до конца. Тема происшествия с мамой была закрыта. И я вернулся к теме собаки.

– Перл кусается! – заметил я.

– Вот и хорошо! – отозвался отец.

– Значит, тот человек все еще представляет для мамы опасность.

– Этого мы не знаем, – сказал отец. – Любой мог взять эти спички. Индеец. Белый. Любой мог их обронить. Но возможно, это кто-то из местных.

Нельзя по отпечаткам пальцев определить, что тот или иной человек – индеец. И по имени нельзя. И даже по рапорту местной полиции. Нельзя определить по фотографии. По фото из полицейской картотеки. По номеру телефона.

С точки зрения властей, единственная возможность определить, что индеец является индейцем, это изучить его генеалогию. У него должны быть далекие предки, которые когда-то давно подписали некий документ или были записаны в каком-то реестре правительства США как индейцы, кто был официально признан членом того или иного племени. А потом, установив эти факты, надо определить долю крови⁶ этого человека, то есть сколько в его жилах течет индейской крови одного племени. В большинстве случаев американские власти считают индейцами тех, в ком четверть индейской крови – и обычно это должна быть кровь одного племени. Но это племя должно быть признано федеральным законодательством. Другими словами, стать индейцем в каком-то смысле можно только в результате жуткой бюрократической волокиты. С другой же стороны, сами индейцы отлично знают, кто индеец, а кто нет, без всякой необходимости федерального подтверждения данного факта, и это знание – как любовь, секс, материнство и отцовство – не имеет никакого отношения к правительству.

А еще через день я узнал, что все уже знают о подозреваемых – им мог стать любой, кто вел себя странно, или кто внезапно исчез из города, или кого видели выходящим под покровом ночи из своего дома с большими черными мешками мусора.

Все это я узнал, когда в субботу после обеда отправился в дом к тете и дяде за пирогом. Мама сказала отцу, что ей, наверное, лучше уже встать с кровати, принять ванну, одеться. Она все еще принимала обезболивающие, но доктор Эгги предупредил ее, что если лежать все время в кровати, состояние не улучшится. Ей требовалось хоть чем-то себя занять. Отец заявил, что собирается приготовить ужин по рецепту. Вот только ему никак не давался десерт.

Дядя Уайти сидел за столом, вертя в руках стакан с холодным чаем. Напротив, нахохлившись и чуть покачиваясь, как травинка на ветру, сидел Мушум в длинной майке цвета слоновой кости и в клетчатом халате поверх кальсон. Он отказывался надевать уличную одежду по субботам, потому что, по его заверениям, ему требовался хотя бы один день отдыха, чтобы подготовиться к воскресенью, когда тетя Клеменс заставляла его облачаться в костюмные брюки, наглаженную белую сорочку, а иногда и галстук. Ему тоже налили стакан холодного чая, но он только злобно пялился на него.

– Заячья моча! – проворчал он.

– Вот именно, папа! – произнесла тетя Клеменс. – Это напиток для стариков. Он тебе полезен.

– Ах, чудный настой багульника! – похвалил Уайти, одобрительно вертя стакан в пальцах. – Излечит любую твою хворь, папа!

– И старость? – спросил Мушум. – Смоет все прожитые годы?

– Почти! – отозвался Уайти. Он знал, что сможет выпить бутылочку пива, как только вернется домой и перестанет сосать эту бурду вместе с Мушумом, который скучал по прежним денькам, когда Клеменс наливала ему отменного виски. Кто-то ей внушил, что спиртное ему вредно, и теперь она старалась ограничить его тягу к бутылке.

– Эта бурда камнем падает в желудок, дочь моя! – пожаловался старик тете Клеменс.

⁶ Доля крови (blood quantum) – понятие, используемое в отношении потомков индейцев США, которое позволяет официально установить принадлежность «по крови» к индейскому племени.

– Зато хорошо чистит твою печень, – заметил Уайти. – Ну-ка, Клеменс, налей Джо настоя багульника.

Тетя Клеменс налила мне стакан холодного чая и пошла к зазвонившему телефону.

Ей часто звонили узнать последние новости – точнее, сплетни, – о состоянии ее сестры.

– Может, этот извращенец и впрямь индеец, – предположил Уайти. – У него был индейский чемодан.

– Что за индейский чемодан? – спросил я.

– Пластиковые мешки для мусора.

Я подался вперед.

– Так он уехал? Но откуда он? И кто? Как его зовут?

Вернулась тетя Клеменс и бросила на брата свирепый взгляд.

– Фу ты, ну ты, – пробурчал Уайти. – Похоже, мне запрещено открывать рот.

– И стаканчика виски нельзя! И не писать в раковину, а это я буду делать постоянно, пока она не перестанет поить меня настоем из багульника. У меня мочевого пузыря им переполнен, – ворчал Мушум.

– Ты писаешь в раковину? – удивился я.

– Когда мне дают этот настой – всегда!

Тетя Клеменс ушла на кухню и вернулась с бутылкой виски и тремя стопками, вставленными одна в другую. Она расставила их на столе и наполнила две до краев, а третью – до половины, которую сразу опрокинула себе в рот. Я остолбенел. Никогда еще я не видел, чтобы тетя Клеменс по-мужски пила виски. Она аккуратно подержала пустую стопку, глядя на нас, потом со стуком поставила ее на стол и вышла.

– Что это было? – спросил Уайти.

– Это была моя дочь, хватившая через край, – ответил Мушум. – Мне жаль Эдварда. Когда он вернется, виски как раз возымеет действие.

– Иногда виски оказывает действие и на Соню, – заметил Уайти, – но у меня есть свои способы.

– И какие же способы? – поинтересовался Мушум.

– Старые индейские штучки!

– А ты научи им Эдварда, а? А то он сдает позиции.

В воздухе уже витали сладкие ароматы пирога. Мне оставалось надеяться, что тетя Клеменс не настолько рассердилась, чтобы забыть о пироге в духовке.

– Площадка для гольфа. Это там все случилось? – Я поглядел в упор на дядю Уайти, но тот опустил глаза и молча выпил виски.

– Нет, не там.

– А где?

Дядя Уайти поднял на меня печальные и вечно налитые кровью глаза. Он и не собирался ничего мне говорить. А я не смог выдержать его взгляд.

Пальцы Мушума, до этого сжимавшие стакан с холодным чаем так нетвердо, что жидкость из него расплескалась по столу, теперь окрепли. Он поднял наполненную стопку и врасстяжку выпил. Его глаза сразу заблестели. Он пропустил мимо ушей наш разговор с Уайти. Его мозг по-прежнему был заточен на женскую тему.

– Так, сын мой, расскажи-ка Упсу и мне заодно про свою красотку-жену. Рыжую Соню. Нарисуй картину маслом. Чем она занята в данный момент?

Уайти отвел от меня взгляд. Когда он осклабился, стала видна широкая щель между его передними зубами. Еще не так давно Рыжую Соню⁷ изображала тетя Клеменс на танцеваль-

⁷ Рыжая Соня – женщина-воин, персонаж комиксов и героиня одноименного кинобоевика (1985) с Бригиттой Нильсен и Арнольдом Шварценеггером в главных ролях.

ных вечерах. Она надевала экзотический наряд: откровенные варварские доспехи из усеянного шипами пластика. Вокруг ее бедер развевались изодранные в клочья шарфы. А прозрачная ткань наряда выглядела так, как если бы ее жевали и драли когтями озверевшие мужчины или дрессированные волки. Зак нашел изображение Рыжей Сони в каком-то миннеаполисском журнале и подарил мне. Я хранил журнал в кладовке, в специальной папке, на которую я наклеил бумажку с надписью «Домашние задания».

– Сейчас Соня работает за кассой, – сообщил мой дядя, посверкивая глазами. – Она мастерица складывать числа и сегодня подсчитывает, что нам надо заказать в магазин на следующей неделе.

Удерживая виски во рту, Мушум закрыл глаза и кивнул, вероятно, представив себе Соню, склонившуюся над счетами. И я ее тоже вдруг представил – с ее грудями, парящими, точно пушистые облака над аккуратными столбиками цифр.

– А чем она займется, – продолжал сонно Мушум, – когда сложит все числа и все подсчитает? Когда закончит работу?

– Она встанет из-за стола и выйдет наружу, с полным ведром воды и окномойкой на длинной палке. Каждую неделю она моет окна.

Сегодня Мушум не надел свой ослепительно-белый зубной протез, и его сморщенная улыбка растянулась до ушей. Я зажмурился и вообразил, как средство для мытья капает с краев розовой губки на конце палки-окномойки и стекает по стеклу вниз. А Соня стоит на цыпочках и изо всех сил тянется вверх. Старший брат Каппи Рэндалл сказал, что девочки выглядят особенно соблазнительно, когда, стоя на цыпочках, тянутся вверх, и что он любит наблюдать за ними в школьной библиотеке. Рэндалл специально ставил самые интересные книги на верхние полки. Мушум шумно вздохнул. А я представил, как Соня сильно прижимает резиновое лезвие окномойки к стеклу, стирая грязные потеки от средства для мытья, после чего стекло сияет безукоризненной чистотой.

Тетя Клеменс встала из-за стола и ушла, разбив возникшую в моем воображении картину, и я услышал скрип дверцы духовки. Потом шум выдвигаемого противня: она вынимала два пирога из духовки. Я услышал, как она поставила пироги остывать. Стукнула дверца духовки, потом сетчатая входная дверь со скрипом распахнулась и с хлопком закрылась. Через мгновение сквозь дверную сетку слегка потянуло душистым дымком от зажженной сигареты. Насколько мне известно, раньше моя тетя не курила, но она начала – после посещения мамы в больнице.

Запах сигареты вмиг протрезвил обоих мужчин, для которых курящая тетя Клеменс тоже была в новинку. Они повернулись ко мне, и дядя Уайти с серьезным выражением лица спросил, как мама.

– Сегодня она решила выйти из спальни, – сообщил я. – Мне нужно отнести домой пирог. Папа готовит ужин.

Мушум вытаращился на меня понимающим взглядом, и мне стало ясно, что ему, по крайней мере, в общих чертах рассказали о том, что случилось.

– Это хорошо, – сказал он. – Послушай, Упс, ей уже надо выходить. Не позволяйте ей все время сидеть. И не оставляйте одну надолго.

Весенние четкие тени, точно вода, растеклись по дороге. Над тихим болотцем слышалось урчание автомобилей, то и дело останавливающихся у распахнутого окошка винной лавки, через которое торговали спиртным навынос. Со стороны далеких дворов, невидимых за сплошной стеной ив и черемух, звенели короткие зычные крики женщин, звавших детей домой. Рядом со мной притормозила машина, и Доу Лафурнэ жестом пригласил меня сесть рядом с ним. У Доу было безмятежное лицо, искривленный нос, добрые глаза. Этот силач никогда не гнушался тяжелой физической работы – помимо того, что он был председателем совета и

уборщиком в управлении племени, он своими руками по досочкам построил собственный дом на ровном месте. И он же со своими сыновьями привел его в полную негодность – тоже на ровном месте. Теперь там повсюду лежали горы хлама. Я помотал головой, и Доу уехал, бросив на прощанье «увидимся!» – тем вечером я должен был прийти к ним помочь Рэндаллу совершить обряд очищения в парильне.

Тетя Клеменс положила пирог на дно неглубокой картонной коробки. Мои ноздри щеко-тал аппетитный аромат печеных яблок, проникавший сквозь лопнувшую корочку сверху. Вечер не принес прохлады, но меня это не парило. Мне не терпелось поест пирого. Я свернул к подъездной дорожке к дому, и из кустов сирени навстречу мне выбежала Перл. Узнав меня, она добродушно тявкнула, обнюхала воздух вокруг и побежала следом, держась на почтительном расстоянии, до самой задней двери дома. Там она отстала и вернулась на свое лежище под сиреневым кустом.

Меня впустил отец. В кухне было жарко, витали запахи его очередного кулинарного эксперимента.

– Ты вовремя! – заметил он и поставил пирог на кухонную стойку. – Давай сделаем ей сюрприз, Джо. Пусть это будет гвоздем нашей программы. Она сейчас спустится. Вымой руки!

Стоя в крохотном санузле рядом с отцовским кабинетом, я услышал скрип лестничных ступенек. Я не спешил, медленно вымыл руки, медленно их вытер. Мне не хотелось видеть маму. Ужасно, но это правда. Хотя я прекрасно понимал, отчего она меня ударила, мне было противно делать вид, будто ничего не случилось или что это неважно. Удар не оставил на моей коже синяка и челюсть только слегка побаливала, но я то и дело дотрагивался до нее и по новой ощущал боль. После мытья я сложил полотенце – наверное, впервые в жизни – и аккуратно повесил на сушилку.

В столовой мама стояла позади своего стула, нервно вцепившись руками в спинку. Работал вентилятор, и полы ее платья мягко вздымались. Она любовалась едой в тарелках на зеленой клетчатой скатерти. Я поглядел на маму, и мне сразу стало стыдно за свою обиду на нее: на ее лице все еще виднелись следы нападения. Я занял себя какой-то ерундой.

Отец сделал жаркое. Когда я вошел в кухню, мне в нос ударила смесь запахов: лежалой репы и консервированных томатов, свеклы и кукурузы, пригоревшего чеснока, какого-то неведомого мяса и подгнившего лука. Отец жестом пригласил нас за стол, над которым витало неаппетитное амбре от его ведьмина варева. Еще на столе стояла кастрюля с водой, из которой торчала картошка, явно переваренная, развалившаяся и почти остывшая. Он церемонно наполнил наши плошки. Мы молча сидели и смотрели на еду. Мы не стали молиться, впервые в жизни отступив от привычного ритуала. Но я не мог вот так молча приступить к еде. Отец это понял и, оглядев нас, произнес прочувствованно:

– Как мало нужно для счастливой жизни!

Мама шумно вздохнула и нахмурилась. Ее буквально передернуло от его слов, как будто они рассердили ее. Думаю, она уже слышала от него эту цитату из Марка Аврелия, но теперь, задним числом, мне кажется, она просто пыталась загородиться неким щитом. Чтобы ни о чем не думать. Не вспоминать о том, что с ней случилось. А прочувствованные слова отца ее ранили.

Мама равнодушно взяла ложку и ткнула ею в жаркое. Отправив первую порцию в рот, она чуть не подавилась. Я сидел ни жив ни мертв. Мы оба смотрели на отца.

– Я добавил тмин, – смиренно сказал он. – Что скажешь?

Мама взяла салфетку из стопки, которую отец положил на середину стола, и прижала ее к губам. Ее лицо все еще было покрыто фиолетовыми царапинами и желтоватыми пятнами от рассасывающихся синяков. Белок ее левого глаза был алым от кровоизлияния, а веко, все еще опухшее, слегка обвисло. Впоследствии оно таким и осталось, потому что у нее был поврежден нерв.

– Что скажешь? – повторил отец.

Мы с мамой молчали, в ужасе глядя на кушанье, которое мы только что отведали.

– Думаю, – наконец проговорила она, – что мне надо самой готовить.

Отец опустил глаза и положил на стол руки ладонями вверх – всем своим видом говоря: я сделал все, что в моих силах! Он обиженно надул губы и с наигранной жадностью зачерпнул жаркое. Отправил ложку в рот раз, другой. Проглотил. Я был поражен его упрямой решимостью, а сам стал налегать на хлеб. Движения его ложки замедлились. Мама и я, должно быть, одновременно поняли, что отец, который много лет ухаживал за бабушкой и, конечно же, умел готовить, просто-напросто симулировал свою кулинарную безнадёжность. Но его жаркое, с тошнотворным запахом сгнившего лука, оказалось так удачно испорчено, что мы даже повеселели, к тому же и мама заявила, что готова вернуться к своим обязанностям на кухне. Когда я убрал со стола объедки ужасного жаркого и выставил тетин пирог, мама улыбнулась, чуть приподняв уголки губ. Отец разрезал пирог на три равные части и положил на каждый кусок изрядную порцию ванильного мороженого. Мне даже пришлось доедать за мамой. А она начала подтрунивать над отцом из-за его жаркого.

– Скажи, сколько лет было этой репе?

– Она старше Джо.

– Где ты откопал такой лук?

– Это мой маленький секрет!

– А что за мясо? Сбитый на шоссе боров?

– Да нет же! Он умер своей смертью в хлеву.

* * *

Что я пропущу ужин в тот вечер, меня особенно не беспокоило. Ведь я знал, что после парильни Рэндалла Каппи и его верный друг, то есть я, наедятся до отвала. Нам поручалось следить за костром. Тетки Рэндалла, Сюжетта и Джози, которые превратили сыновей Доу в своих послушных собачек, всегда обеспечивали еду. В ритуальные ночи они обычно наготавливали на целый полк и складывали все в два пластиковых кулера возле гаража. Далеко за домом, уже почти в самом лесу, высилась куполообразная крыша парильни, которую Рэндалл сложил из гнутых веток, связанных между собой и накрытых армейским брезентом. Вокруг нее во влажном воздухе роились тучи комаров. Каппи уже развел огонь. Большие камни, «деды», в центре кострища раскалились докрасна. Нашей обязанностью было поддерживать огонь, вручать священные трубки и снадобья, подносить раскаленные камни на лопатах с длинными черенками, закрывать и открывать полог парильни. Еще мы по просьбе кого-то из находившихся в парильне кидали в огонь табак, чтобы придать действенность какой-то особой молитве или мольбе. В ясные ночи это была приятная обязанность – мы сидели вокруг огня и болтали о том о сем, и нам было тепло.

Иногда мы тайком поджаривали на пламени хот-доги или зефир на палочке, невзирая на то, что это был священный огонь, и однажды Рэндалл застукал нас. Он заорал, что из-за своих дурацких хот-догов мы лишили огонь святости. А Каппи поглядел на него и заявил, что же это за священный огонь такой, если его можно лишить святости, сунув в него наши тощие сосиски! Я захохотал, а Рэндалл молча воздел руки к небу и ушел.

Сейчас же камни раскалились слишком сильно, чтобы на них можно было что-то зажарить или испечь, кроме того, мы знали, что в конце ритуала нам закатят пир горой. Еда была вознаграждением за наши труды. И еще иногда нам позволяли поездить на стареньком красном «олдсмобиле» Рэндалла. Вообще-то нам эта работа нравилась. Но в тот вечер мало того, что не попрохладнело, так еще и навалилась влажная духота. Не было ни ветерка. Даже на закате нас окружали зудящие тучи комарья. Из-за их налетов мы были вынуждены сидеть вплотную к

огню, чтобы воспользоваться дымовой завесой, отчего мы еще больше потели. А комары продолжали жалить нас сквозь соленую от пота, продымленную одежду, на которую мы вылили чуть не весь репеллент из бутылки.

Заявились, похохатывая, друзья Рэндалла, которые, как и он, на народных сходах – пау-вау – били в ритуальные барабаны или участвовали вместе с Рэндаллом в плясках. Двое из них были под кайфом, но Рэндалл и ухом не повел. Он был целиком поглощен правильным обустройством обряда очищения – расстелил перед входом в парильню одеяло из лоскутов в форме звезд, установил подставку для священных трубок, раковину для воскурений шалфея, стеклянные банки для порошкообразного снадобья, ведро и ковшик. У него словно в голове была спрятана мерная рейка, которой он измерял расстояния между этими священными предметами. Каппи все это выводило из себя. Но другим подход Рэндалла imponировал, вот почему у него было полно друзей на разных индейских территориях – как раз в тот день он получил в посылке от друга из племени пуэбло банку снадобья, теперь стоявшую рядом с другими такими же банками. Он напевал себе под нос песню про набивание священной трубки и подготавливал к ритуалу свою трубку, и так был этим поглощен, что даже не замечал прожорливых комаров, плотно облепивших его шею сзади. Я их начал отгонять.

– Спасибо, – буркнул он рассеянно. – Я помолюсь за твою семью.

– Круто, – отозвался я, хотя от его слов мне стало неловко. Мне не нравилось, когда за меня молились. Отвернувшись, я буквально кожей ощутил, как его молитвы ползут по позвоночнику. Но в этом был весь Рэндалл, всегда готовый заставить тебя почувствовать неловкость из-за явного превосходства всех тех премудростей, которые он узнал от стариков, в том числе и от стариков в твоей семье, потому что пекся о твоём же благе. Мушум проинструктировал Доу, как правильно выстроить эту парильню, а уж Доу передал это знание Рэндаллу. Каппи поймал мой взгляд.

– Не бери в голову, Джо. Он и за меня молится. Его снадобья действуют: из-за них девчонки к нему так и липнут. Так что ему надо практиковаться.

У Рэндалла был точеный, точно высеченный на камне, профиль, гладкая кожа и длинная коса. Девчонки, особенно белые, им очаровывались. Однажды летом у них во дворе целый месяц жила в палатке немочка. Она была симпатичная и носила босоножки с застежкой на лодыжке – до нее никто в резервации не видел таких, и над Рэндаллом стали подшучивать из-за этих босоножек. А потом кто-то подглядел название фирмы-изготовителя – «Биркеншток», – и это слово стало кличкой Рэндалла.

В воздухе стало совсем жарко, и мы принялись жадно пить из ковшиков священную ритуальную воду. Я завидовал парням, которые заходили в парильню, потому что внутри они так распаривались, что потом, когда выбирались оттуда, ночной ветерок обвеивал их приятной прохладой. Кроме того, волны горячего воздуха, поднимавшиеся от раскаленных камней-«дедов», отгоняли комаров. Скоро все вошли внутрь. А мы с Каппи бросились подносить ко входу парильни обжигающие камни на лопатах. Рэндалл подхватывал их парой оленьих рогов и складывал в центре парильни. Так мы передали им все камни и прикрыли полог. Они начали распевать гимны, и мы в которой уже раз опрыскали себя средством от комаров. Мы сделали три ходки, пока не перетаскали в парильню всех «дедов». Потом сбегали в дом, наполнили опустевший кулер водой, вышли наружу и уже стояли на заднем крыльце, как вдруг раздался взрыв. Мы сначала даже не услышали, как кто-то крикнул: «Вход!» – призвав нас откинуть полог. Крыша парильни просто взметнулась вверх под напором рук и голов парней, спешащих выбраться наружу. Они яростно срывали наброшенный на крышу брезент и путались в нем. Было слышно приглушенное рычание. Потом они уже просто с воплями выпрыгивали наружу, кто как мог – задыхаясь и катаясь нагишом по траве. Комары тут же пикировали со всех сторон на голые тела. Мы помчались к ним с полным кулером. Рэндалл и его приятели показывали пальцами на свои перекошенные лица, и мы лили воду им на головы. Когда они смогли нако-

нец подняться с травы, кто захромал, а кто со всех ног побежал к дому. Тетушки Каппи как раз подъехали с новой порцией жареных лепешек и сразу увидели восьмерых голых индейцев, бегущих и ковыляющих через двор. Сюжетта и Джози остались в машине.

Все долго приходили в себя, сидя в доме, заваленном холостяцким барахлом, но когда парни оправались от шока, все стали обсуждать, что же приключилось.

– Думаю, – произнес наконец Скиппи, – это все из-за снадобья пуэбло. Помнишь, прямо перед тем, как ты кинул горсть порошка на камни, ты громко поблагодарил своего приятеля оттуда, а потом произнес длинную молитву?

– Да, Биркеншток, длинную-предлинную молитву, а потом ты зачерпнул ковш воды...

– О, – воскликнул Рэндалл. – Мой друг сказал, что это снадобье народа пуэбло. А я молился за то, чтобы у него все сложилось как надо с его женщиной-навахо. Каппи, сбегай, принеси эту банку!

– Ты мне не приказывай!

– Ладно. Пожалуйста, младший братишка, ты же видишь: мы сидим тут с голыми задницами, травмированные, так будь уж любезен, сходи за этой банкой!

Каппи вышел и быстро вернулся. На банке была наклеена этикетка.

– Рэндалл, – заметил Каппи, – тут слово «снадобье» стоит в кавычках!

Банка была наполнена коричневатым порошком, по нашему мнению, с не слишком сильным запахом – не таким, как у медвежьего корня, или у айра, или у толокнянки. Рэндалл внимательно осмотрел банку и нахмурился. Он снял крышку и понюхал, как опытный дегустатор вдыхает букет вина.

Наконец он лизнул свой палец, ткнул им в порошок и сунул обратно в рот. Из его глаз тотчас брызнули слезы.

– Аааа! Аааа! – высунув язык, завопил он.

– Это острый перец, – сделали вывод остальные. – Жгучий перец пуэбло.

Все смотрели, как Рэндалл вихрем носится по комнате.

– Э, да вы поглядите – у него ноги превратились в крылья!

– Надо ему во время следующего пау-вау дать снадобье пуэбло.

– Точно!

Все пили воду большими глотками. А Рэндалл стоял у раковины с высунутым языком, подставив его под струю воды.

– Рэндалл поставил банку со снадобьем на камни, – стал рассказывать Скиппи, – а когда вылил на них четыре больших ковша воды, этот порошок вдруг закипел, и пар попал нам на лицо и в глаза, и мы вдохнули это дерьмо! Внутри все горело! И как ты, Рэндалл, мог такое с нами учудить, а?

Все укоризненно смотрели на Рэндалла, стоящего у раковины с высунутым языком под струей воды из крана.

– Надеюсь, он хоть набросит на себя какую-нибудь одежду, – сказал Чибой-Сноу.

Про его тетушек все вспомнили, только услышав шум их отъезжающей машины. Мы выглянули в окно. Они оставили под дверью два пакета свежееиспеченных лепешек. Масло от лепешек проступило темными пятнами на бумажных боках.

– Если принесете нам одежду, – обратился к нам Скиппи, – и те пакеты с жаркой, я вам заплачу.

– Сколько? – поинтересовался Каппи.

– По два доллара каждому.

Каппи вопросительно взглянул на меня. Я пожал плечами.

Мы приволокли все их шмотки и пакеты с едой. И когда мы сидели и уписывали за обе щеки, из дома вышел Рэндалл и присел рядом. Его лицо было обожжено в нескольких местах, как и у других парней, а глаза опухли и покраснели. Рэндалл учился на последнем курсе кол-

леджа, и иногда он разговаривал со мной так, словно обращался к клиенту службы соцзащиты, а иногда как со своим младшим братишкой. Сейчас наступил тот редкий момент, когда Рэндалл решил проявить семейные чувства. Его приятели уже пришли в себя, смеялись и ели как ни в чем не бывало. Происшествие в парильне все уже обратили в шутку, позабыв, как сначала рассердились на Рэндалла.

– Джо, – озабоченно начал Рэндалл, – я там кое-что видел.

Я запихнул в рот тако с мясом.

– Я кое-что видел, – продолжал он, и в его голосе звучала неподдельная тревога. – Я видел это как раз перед тем, как нас обварил жгучий перец. Я молился за твою семью, за свою семью, как вдруг увидел склонившегося над тобой мужика, вроде полицейского, у него было белокожее лицо, глубоко запавшие глаза, и он смотрел на тебя. И вокруг его головы было серебристое сияние. Его губы двигались, он что-то тебе говорил, но я не смог разобрать ни слова.

Я перестал жевать. Мы сидели молча.

– И что мне теперь делать, а, Рэндалл? – тихо спросил я.

– Мы вдвоем умилюстивим духов табаком, – ответил он. – И может быть, тебе стоит поговорить с Мушумом. У меня нехорошее предчувствие, Джо.

* * *

Мама готовила всю следующую неделю и даже выходила из дома, сидела на истертом шезлонге и трепала Пёрл за холку, глядя на заросли черемухи, окаймлявшие задний двор. Отец старался проводить дома как можно больше времени, но все равно ему приходилось уезжать по делам. Он каждый день встречался с полицейскими резервации и беседовал с федеральным агентом, назначенным на мамино дело. Однажды он уехал на весь день в Бисмарк, столицу штата, побеседовать со своим старинным другом – федеральным прокурором Габиром Олсоном. Со многими делами об изнасиловании индейских женщин была такая общая закавыка, что даже после предъявления обвинения федеральный прокурор довольно часто под разными предложениями отказывался передавать дело в суд. Обычной отговоркой было обилие других более важных дел. И отец хотел убедиться, что этого не случится на сей раз.

И вот один за другим тянулись дни этого вынужденного антракта. Утром в пятницу отец напомнил, что ему понадобится моя помощь. Я частенько зарабатывал пару долларов, приезжая к отцу в офис на велике после школы, чтобы, как он выражался, «подготовить суд ко сну в выходные». Я подметал в его небольшом кабинете, мыл стеклянную поверхность его письменного стола, смахивал пыль с его дипломов, развешенных по стенам, – об окончании университета Северной Дакоты и юридического факультета университета Миннесоты – и выравнивал металлические таблички, выданные ему в знак заслуг его работы в разных юридических организациях. У него висел список мест, где он имел право работать, – в нем фигурировали разные организации вплоть до Верховного суда США. Я гордился этим списком. И в соседнем кабинете, а по сути – чулане, переоборудованном в его личный офис, я тоже подмел. Президент Рейган, розовощекий, с затуманенным взором и с голливудской улыбкой в тридцать два вставных зуба, взирал на меня с официального портрета на стене. Рейган имел весьма приблизительное представление о жизни индейцев, например, он считал, что мы живем не в резервациях, а в «заповедниках». Еще там висел отпечаток печати нашего племени и одной из больших печатей Северной Дакоты. Отец поместил в рамочку состаренную копию текста Преамбулы к Конституции США и текста Билля о правах.

Вернувшись в отцовский офис, я вытряс его шерстяной коврик. Потом расставил книги на полке, где были представлены все поздние переиздания «Справочника» Коэна, оригинал которого хранился у нас дома. Было тут и издание 1958 года, выпущенное в тот момент, когда

конгресс намеревался вообще упразднить индейские племена, – книга всегда лежала на полке нетронутая, оставаясь немим укором ее редакторам. Еще тут были факсимильные издания 1971 года и 1982 года – большой и тяжелый, зачитанный том. Рядом с этими фолиантами стояло компактное издание кодекса нашего племени. Еще я помогал отцу заносить в каталог то, что его секретарь Опичи Уолд не успевала. Опичи, чье имя означало «малиновка», была костлявая и хмурая маленькая женщина с юркими пронзительными глазками. Она была ушами и глазами отца в резервации. Любому судье всегда нужен тайный агент в народе. Опичи коллекционировала то, что вы можете назвать слухами и сплетнями, но она отлично знала, что предоставляемые ею сведения были неоценимым подспорьем для принимаемых отцом решений. Ей было известно, кого можно освободить под залог, а кто точно сбежит. Ей было известно, кто торгует наркотой, а кто только употребляет, кто ездит без прав, кто отличается агрессивным нравом, кто исправился, кто пьет, кто опасен, а кто безвреден для членов своей семьи. Опичи была неисчерпаемым источником информации, хотя картотеку она составляла абсолютно бессистемно.

Мы держали все документы в большом кабинете по соседству, где все стены были заставлены высокими металлическими шкафами. Новые папки всегда оставались сверху на шкафах, потому что отцу было интересно перечитывать их и делать пометки на полях. А в тот день я заметил на шкафах высокие стопки папок. Коричневые картонные папки с бирками, подписанными и аккуратно наклеенными Опичи. В основном там были заметки о разных делах, их краткие описания и сопутствующие соображения, проекты будущих официальных судебных решений. Я спросил, будем ли мы подшивать эти бумаги, хотя их было слишком много, чтобы управиться с ними до ужина.

– Мы заберем их домой, – ответил отец.

Этого он никогда не делал. Домашний кабинет служил для него убежищем от всего, что творилось в суде племени. Он гордился своим умением оставлять судебные страсти, накопившиеся за неделю, там, где им было самое место. Но сегодня мы загрузили папки на заднее сиденье машины, сунули мой велик в багажник и поехали домой.

– После ужина я сам занесу эти папки к себе, – сказал отец, пока мы ехали.

Из чего я сделал вывод: он не хочет, чтобы мама видела привезенные им домой из суда папки. Загнав машину в гараж, мы достали мой велик из багажника, и я покатил его на задний двор. Отец тем временем зашел в дом. Войдя через кухонную дверь, я вдруг услышал грохот и звон. А потом тихий, но резкий испуганный возглас. Мама отшатнулась к раковине, дрожа всем телом и шумно дыша. Отец стоял в нескольких шагах от нее, выставив вперед руки, словно пытаясь ее обнять, – и такое было впечатление, что он обнимает, но не ее тело, а воздух. Между ними на полу валялись черепки керамической кастрюльки, из которой на пол вытекала еще скворчащая запеканка.

Я поглядел на родителей и сразу понял, что стряслось. Отец зашел в дом – мама, конечно, слышала урчание подъехавшей машины, но почему не залаяла Перл? Шаги у него тяжелые, их нельзя не услышать. Оказываясь дома, он всегда шумел, да и, как я уже сказал, был довольно неуклюж. К тому же я заметил, что в последнюю неделю, возвращаясь с работы, он еще в дверях кричал что-то дурацкое типа: «А вот и я!»

Но возможно, в этот день он забыл крикнуть. Возможно, он двигался непривычно тихо. Возможно, он зашел в кухню, как обычно, подошел к маме со спины и обнял ее за талию. Раньше она бы продолжала хлопотать у плиты или раковины, а он бы перегнулся ей через плечо и заговорил. И так они бы еще пару минут постояли бы, изображая живую картину «Возвращение домой». Потом он бы позвал меня и попросил помочь накрыть на стол. Он бы быстро переоделся, пока мы с мамой наносили бы завершающие штрихи ужина. А потом все сели бы за стол. В церковь мы не ходили. Но это был наш ритуал. Наше преломление хлеба, наше причастие. И этот ритуал начинался с того доверительного мгновения, когда отец

подходил сзади к маме, а она, не оборачиваясь, встречала его появление улыбкой. А теперь оба стояли, беспомощно взирая друг на друга, над разбитой кастрюлькой с нашим ужином. Теперь-то я понимаю, что это происшествие могло иметь несколько вариантов завершения. Мама могла бы рассмеяться, могла бы расплакаться, могла бы схватить его за руку. А отец мог бы рухнуть на колени и притвориться, что у него сердечный приступ – один из тех, который потом его и убил. И она сразу бы оправилась от шока и бросилась ему помогать. Мы бы убрали черепки и вываленную на пол еду, наделали бы сэндвичей, и все бы продолжалось как обычно. Если бы в тот вечер мы просто сели за стол втроем, я уверен, все бы продолжалось как обычно. Но мама побагровела и еле заметно содрогнулась. Она порывисто вздохнула и дотронулась пальцами до израненного лица. Потом переступила через черепки на полу и медленно вышла из кухни. Мне захотелось, чтобы она закричала, заплакала, швырнула что-нибудь в стену. Все было бы лучше, чем то ледяное бесчувствие, с которым она поднялась вверх. В тот вечер на ней было простое голубое платье. На голых ногах – черные замшевые мокасины. Одолевая ступеньку за ступенькой, она смотрела прямо перед собой, крепко держась за перила. Она шла бесшумно, словно парила. Мы с отцом проследовали за ней до дверного проема, и думаю, когда мы смотрели на нее, у нас обоих возникло ощущение, что она восходит к обители своего одиночества, откуда, вероятно, больше никогда не вернется.

Мы продолжали стоять рядом даже после того, как щелкнула личинка затворившейся двери спальни. Наконец мы повернулись и, не говоря ни слова, отправились обратно на кухню прибирать куски засохшей еды и осколки. Мы выбросили все в мусорный бак на дворе. Закрыв крышку бака, отец замер. Он свесил голову на грудь, и в тот самый момент я впервые осознал, что он охвачен отчаянием, которое впоследствии овладевало им с нарастающей силой. И когда он вот так продолжал неподвижно стоять, я по-настоящему перепугался. Я с тревогой схватил его за руку. Я не мог выразить словами своих чувств, но отец, по крайней мере, взглянул на меня.

– Помоги мне перенести эти папки в дом, – резко и решительно проговорил он. – Начнем сегодня же.

Что я и сделал. Мы выгрузили папки. Потом по-быстрому приготовили по паре неприглядных сэндвичей. Еще один сэндвич отец сделал с особым старанием и выложил его на тарелку. А я разрезал яблоко, красиво разложил дольки вокруг хлеба, мяса и салатных листьев. Когда мама не отозвалась на мой стук в дверь, я просто оставил тарелку на полу под дверью. Прихватив сэндвичи, мы с отцом отправились к нему в кабинет и с набитым ртом принялись пролистывать бумаги в папках. Хлебные крошки мы смахивали прямо на пол. Отец устроился за письменным столом и включил настольную лампу, а потом кивком головы пригласил меня расположиться в кресле под торшером.

– Он где-то здесь, – сказал отец, кинув на толстые папки с бумагами.

Я понял, в чем мне надо ему помочь. Отец отнесся ко мне как к своему ассистенту: разумеется, он знал, разумеется, что я тайком читаю его книги. Я инстинктивно поглядел на полку с томом Коэна. Он снова кивнул, немного приподняв брови, и, вытянув губы трубочкой, указал на папку у меня под локтем. Мы погрузились в чтение. Вот тогда-то я наконец начал понимать, чем занимается отец каждый день, в чем вообще смысл его жизни.

В течение следующей недели мы выудили несколько дел из моря его судебных бумаг. За все это время, в последнюю учебную неделю в школе, мама ни разу не вышла из комнаты. Отец носил ей наверх еду. А я вечерами сидел с ней и читал вслух из «Семейного альбома любимых стихотворений», пока она не засыпала. Это была старая книга в темно-коричневом переплете с подранной обложкой, на которой были изображены счастливые белые, читающие стихи в церкви, или детям перед сном, или на ушко своим любимым. Мама не желала слушать что-нибудь духоподъемное. Мне приходилось читать ей длиннющие повествовательные поэмы, изобилующие старомодными словечками и звонкими рифмами. «Бен Болт», «Бродяга

с большой дороги», «Течь в дамбе»⁸ и прочее в том же духе. Как только я замечал, что ее дыхание становилось ровным, я с облегчением выскальзывал из комнаты. Она спала подолгу, словно принимала участие в сонном марафоне. А ела мало. Часто плакала, горько и монотонно, стараясь заглушить плач подушкой, но он все равно проникал сквозь тонкую дверь спальни. Я спускался вниз, в кабинет к отцу, и мы продолжали изучать документы в папках.

Читали мы сосредоточенно. Отец был уверен, что где-то в его старых отчетах, записях и судебных решениях непременно найдется имя человека, который едва не исторг дух мамы из ее тела.

⁸ «Бен Болт» – баллада американского поэта Томаса Данна Инглиша (1819–1902); «Бродяга с большой дороги» – баллада американского кантри-музыканта Джимми Уэбба (род. в 1946 г.); «Течь в дамбе» – баллада американской поэтессы Фиби Кэри (1824–1871).

Глава 3

Правосудие

16 августа 1987 года

Дерлин Пис (истец)

против

«Бинго-Пэлас» и Лаймена Ламартина (ответчики)

Дерлин Пис работает техником-смотрителем в игорном заведении «Бинго-Пэлас и казино» и напрямую подчиняется Лаймену Ламартину. Его уволили 5 июля 1987 года, через два дня после ссоры с боссом. Как показал свидетель, их перебранку подслушали другие работники, а вспыхнула перебранка из-за женщины, с которой оба они встречались.

4 июля работники игорного заведения устроили пикник на заднем patio «Бинго-Пэласа». В разгар пикника Дерлин Пис, который ранее в тот же день выполнял в здании мелкий ремонт, собрался уходить. Его остановил Лаймен Ламартин и потребовал вывернуть карманы. В одном кармане обнаружили шесть стальных шайб стоимостью 15 центов каждая. Лаймен Ламартин обвинил Дерлина Писа в попытке кражи имущества компании и уволил его.

Но Дерлин Пис заявил, что это его собственные шайбы. И поскольку никаких отметок на шайбах, которые исследовал судья Куттс, не обнаружилось, не было никаких неопровержимых доказательств того, что они являются имуществом «Бинго-Пэласа». А раз никакого существенного основания для увольнения Дерлина Писа не было, суд вынес решение, что его должны восстановить в прежней должности в «Бинго-Пэласе».

– Шайбы? – удивился я.

– Что еще за шайбы? – спросил отец.

Я снова уставился в документ.

Хотя это дело не было помечено нами как важное, я его хорошо запомнил. Вот почему: оно касалось тех серьезных материй, которым отец и посвятил свою жизнь. Я не раз присутствовал в суде, когда он рассматривал такого рода тяжбы. Но полагаю, что он не позволял мне присутствовать на заседаниях, посвященных проблемам по-настоящему важным, то есть неприличным, или связанным с насилием, или слишком сложным, до которых я еще не дорос. Я воображал, что отец решает значимые правовые проблемы, что он работал над делами из области договорного права, восстановления земельных прав, что перед ним представляли убийцы, что он грозно хмурил брови, когда свидетели начинали путаться в показаниях, и своими ироническими замечаниями мог заткнуть любого доку-адвоката. Я ничего ему не сказал, но, пока я читал это дело, меня захлестнула волна смятения. Ради чего Феликс С. Коэн написал свой «Справочник»? Где же тут величие? Где драма? Где уважение? Все дела, которыми занимался отец, были какие-то мелкие, смехотворные, несущественные. Правда, кое-какие были прямо-таки душераздирающими или представляли собой мешанину из грустного и идиотического, как дело Мэрилин Шигэг, которая стащила пять хот-догов в кафе при бензозаправке и там же, в туалете, их слопала, но ни одно не доходило до уровня величия, который я себе вообразил. Мой отец наказывал воришек хот-догов и изучал стальные шайбы – даже не стиральные машины, а обычные шайбы ценой в пятнадцать центов...

8 декабря 1976 года

Дело слушалось главным судьей Энтоном Куттсом, а также судьей Роуз Ченуа и помощником судьи Мервином «Табби» Мэинганом.

Томми Томас и др. (истцы)

против

супермаркета «Винленд» и др. (ответчики)

Томми Томас и другие истцы в этом деле были членами племени чиппева, а «Винленд» был тогда и сейчас является бензозаправкой и минимаркетом (их владельцы – белые), расположенными на частной земле (то есть ранее приобретенном земельном наделе) в окружении земли, принадлежащей племенному трастовому фонду. Истцы утверждали, что в зоне торговых операций, совершающихся в магазине «Винленд», все покупатели платят надбавку в размере 20 %, включая членов племени с явными признаками старческой деменции, подростковой доверчивости, умственной отсталости, алкогольного опьянения или незнания.

Владельцы заведения Джордж и Грейс Ларк не отрицали, что в ряде случаев начисляли лишние 20 % к сумме покупок. Но они оправдывали свое поведение, настаивая, что тем самым возмещали убытки от воровства в магазине. Ответчики заявили, что на них не распространяется ни персональная юрисдикция суда племени, ни предметная юрисдикция по торговым операциям, на основании чего и был подан иск.

Но суд постановил, что хотя здание АЗС расположено на земельном участке № 122093, парковка, мусорный контейнер, пешеходная зона, пожарные гидранты и бензоколонки, а также канализационная и фильтрационная системы, бетонные ограждения парковки, столы для пикника под открытым небом и декоративные кадки с цветами стоят на законной земле племени, и чтобы попасть в супермаркет, покупателям, из которых 86 % являлись членами племени, приходилось заезжать на стоянку, а потом идти пешком по земле трастового фонда племени.

Суд подтвердил свою юрисдикцию по этому делу, поскольку не было представлено доказательств, отрицающих, что с истцов взималась надбавка за покупки.

Эту папку отец отложил в сторону.

– А по-моему, самое обычное дело, – заметил я, стараясь ничем не выдать своего разочарования.

– В этом деле мне удалось доказать ограниченную юрисдикцию над бизнесом, владельцами которого были индейцы. Мое решение было поддержано апелляционным судом.

В его голосе я расслышал нотки гордости.

– Меня это вполне удовлетворило, – продолжал он. – Но я не поэтому его отложил. Я захотел изучить его подробнее из-за людей, участвовавших в том процессе.

Я взглянул на наклейку на папке.

– Из-за Томми Томаса или Ларков?

– Из-за Ларков, хотя Грейс и Джордж уже умерли. Осталась Линда. И их сын Линден, который в суде не участвовал и в этой папке не упоминается. Но он связан с другим делом, эмоционально более сложном. Семейство Ларков всегда кичилось своим добрым отношением к «хорошим индейцам», а на самом деле они нас втайне презирали, хотя кому-то открыто благоволили – но только чтобы продемонстрировать свою симпатию к индейцам, которых они ничтоже сумняшеся обжуливали. Эти Ларки были прожженными дельцами и мелкими

воришками, ставшими жертвами самообмана. Вечно предъявляя всем и каждому завышенные моральные требования, сами они всегда находили оправдание собственным недостаткам. Эти люди – мелкотравчатые лицемеры, способные иногда, если им подворачивалась возможность, совершать жуткие вещи. Например, Ларки были яркими противниками аборт. Но когда у них родились близнецы, они чуть не согласились умертвить самого слабого младенца – девочку, которая, как им тогда показалось, появилась на свет с врожденным заболеванием. Вся резервация об этом знала, потому что принимавшая роды акушерка забрала у них младенца-калеку, а ночная уборщица той больницы Бетти Уишкоб, она из нашего племени, в конце концов удочерила девочку. Что приводит нас к другому делу...

Дело о наследовании имущества Алберта и Бетти Уишкоб

Алберт и Бетти Уишкоб, оба принятые в племя чиппева и жившие в резервации, умерли, не оформив завещания. У них осталось четверо детей: Шерил Уишкоб-Мартин, Седрик Уишкоб, Алберт Уишкоб-мл. и Линда Уишкоб, урожденная Линду Ларк. Линда была удочерена без официальной регистрации семьей Уишкоб и воспитывалась в их семье как индеанка. После смерти ее приемных родителей другие их дети, покинувшие на тот момент резервацию, согласились предоставить Линде право проживать, как и раньше, в доме Алберта и Бетти, который стоит на участке № 1002874 общей площадью 160 акров⁹, переведенном в собственность трастового фонда племени по закону о реорганизации индейских территорий 1934 года. 19 января 1986 г. биологическая мать Линды Ларк-Уишкоб Грейс Ларк обратилась в этот суд с иском о предоставлении ей опеки над ее взрослой дочерью Линдой с целью управлять ее делами.

Грейс Ларк утверждала, что вследствие болезни, развившейся после того, как Линда подверглась тяжелым медицинским процедурам, у нее возникли острая депрессия и психическое расстройство. Грейс Ларк откровенно заявила, что она заинтересована в приобретении под застройку 160 акров земли, которая, как она утверждала, стала принадлежать Линде после смерти ее приемных родителей.

Последний абзац был написан от руки. Это была пометка отца для самого себя.

Поскольку Линда по крови не была индеанкой и поскольку нет никакого юридического документа об официальном удочерении Линды супругами Уишкоб, и поскольку Грейс Ларк не пыталась вступить в контакт с другими тремя детьми-наследниками, а также ввиду того, что Линда Ларк-Уишкоб, по мнению суда, была не просто психически дееспособной, а психически здоровее многих людей, выступавших в этом суде, включая и ее биологическую мать, поданный иск был отклонен без возможности обжалования.

– Странно, – сказал я.

– Дальше больше, – заметил отец.

– В каком смысле?

– То, что ты прочитал, – только верхушка психологической драмы, которая долгие годы изводила обоих Ларков, отказавшихся от ребенка, и Уишкобов, которые по доброте душевной спасли и вырастили Линду. Когда же до детей Уишкобов дошли слухи об иске, о неуклюжих, алчных, подлых потугах захватить чужую землю и извлечь выгоду из наследства, которого по закону вообще не было, потому что эта земля не могла быть изъята из собственности

⁹ Около 65 га.

племени, они просто взбеленились. Старшая сестра Линды Шерил, фактически ее названная сестра, предприняла решительные действия и организовала кампанию по бойкоту бензозаправки Ларков. Но этим дело не ограничилось, она же помогла Уайти подать заявку на получение бизнес-гранта. И теперь все местные ездят заправляться на их АЗС. Дядя Уайти и Соня сломали Ларкам бизнес. В это же самое время сын миссис Ларк Линден потерял работу в Южной Дакоте и вернулся домой помогать матери управлять загибающимся предприятием. Она скоропостижно умерла от аневризмы. А он теперь во всем – и за ее смерть, и за свое близкое банкротство, которое теперь кажется неминуемым – винит Уишкобов, свою сестру Линду, Уайти и Соню, а еще и судью, рассматривавшего иск матери, то есть меня.

Отец нахмурился, глядя на папки, и провел ладонью по лицу.

– Я видел Линдена в зале суда. Говорят, у него неплохо подвешен язык. Может кого угодно обворожить своими речами. Но во время процесса он ни звука не проронил.

– А он не мог... – начал я.

– Напасть на маму? Не знаю. Он, конечно, тот еще фрукт. После смерти матери он ненадолго ударился в политику. В ходе процесса он, возможно, узнал неприятные для себя факты о проблемах юрисдикции внутри и вне резервации. Он написал анонимное письмо в газету «Фарго форум». Опичи сохранила вырезку. Я его читал – там было все как обычно: «давайте отменим резервации»; он даже использовал старое выражение белых расистов: «Мы забьем их без шума и пыли!» Они так и не поняли, что резервации существуют потому, что наши предки заключили с правительством законные сделки. Но его усилия не пропали даром. Как я слышал, Линден стал собирать средства для Кертиса Йелтоу, который выдвинул свою кандидатуру на выборах губернатора Южной Дакоты и разделял его взгляды. А еще я слышал – Опичи на хвосте принесла, естественно, – что Линден связался с местным отделением «Поссе Комитатус»¹⁰. Эта группа выступает за то, чтобы местные шерифы обладали всей полнотой выборной власти. Насколько я знаю, Ларк сейчас вернулся в дом матери. Живет тихо и частенько отлучается. Полагаю, в Южную Дакоту. Он ведет себя очень скрытно. Опичи говорит, все дело в женщине, но ее видели всего пару раз. Он приезжает и уезжает в разное время, но пока не было никаких признаков, что он торгует наркотиками или занимается чем-то противозаконным. Я точно знаю, что его мать умела возбуждать эмоциональную агрессию. Другим ее гнев передавался как зараза. С виду это была хрупкая невысокая старушка, но при этом обладала всепоглощающим собственническим инстинктом. Это была гадюка в человеческом облиции. Может быть, Линден Ларк не такой, как она, а может, выпит с материнским молоком ее яд.

Отец отправился на кухню налить себе еще кофе. А я как замороженный смотрел на дело.

Наверное, именно тогда я и заметил, что на каждой странице распечаток недавних решений отца стояла его собственноручная подпись авторучкой с голубыми чернилами. У него был аккуратный почерк, почти каллиграфический, и выведенные в старомодной манере буквы выстраивались точно паутинка. С тех пор я запомнил две характерные для судей особенности. Все они держали собак, и у всех была какая-то запоминающаяся причуда. Вот как эта авторучка с голубыми чернилами, хотя дома отец всегда пользовался шариковой ручкой. Я раскрыл последнюю папочку на письменном столе и углубился в чтение.

1 сентября 1974 года

Френсис Уайтбой (истец)

против

Асиджинэка, полиции племени и Винса Мэдвезина (ответчики)

¹⁰ Праворадикальное движение белых националистов, основанное в конце 1960-х годов в сельскохозяйственных районах США. Идеология движения строится на противопоставлении власти федерального правительства и власти шерифа, которую члены движения считают единственно легитимной.

*Уильям Стерн – адвокат истца,
Джоанна Кер-де-Буа – адвокат ответчиков.*

13 августа 1973 года в старом круглом доме, расположенном севернее озера Резервейин, проходил обряд Трясущейся палатки. У оджибве обряд Трясущейся палатки считается одной из самых почитаемых священных церемоний, и, не вдаваясь в подробности, следует сказать, что данный обряд служит для исцеления просителей и для решения вопросов, касающихся общения с духами.

В тот вечер на обряде присутствовало более ста человек, кое-кто из них, стоящих рядом с толпой, распивал спиртное. Одним из пьющих был Хорэс Уайтбой, брат Френсиса, истца в этом деле. Распорядитель обряда Асиджинак обратился к Винсу Мэдвезину, сотруднику местной полиции племени, с просьбой обеспечить безопасность церемонии. Винс Мэдвезин попросил Хорэса Уайтбоя и других, распивавших вместе с ним, покинуть территорию.

В индейской культурной традиции считается неприемлемым, даже оскорбительным, распивать спиртное во время обряда Трясущейся палатки. И Мэдвезин действовал надлежащим образом, попросив распивающих уйти. Несколько пьющих, осознав, что они грубо нарушили священный этикет, незамедлительно покинули церемонию. Свидетели видели, как Хорэс Уайтбой со своими собутыльниками покинул священное место и нетвердой походкой ушел по дороге. Однако, по утверждениям ряда свидетелей, дух в палатке, где в тот момент находился Асиджинак, предупредил вступивших с ним в контакт, что Хорэс Уайтбой в опасности.

На следующий день после церемонии Хорэс Уайтбой был обнаружен мертвым. По-видимому, он отделился от группы собутыльников, повернул назад и попытался вернуться к ритуальному дому. У подножия холма он, по-видимому, решил прилечь. Его обнаружили в кустах лежащим на спине и захлебнувшимся собственной рвотой.

Френсис Уайтбой, брат Хорэса, обвинил в халатности Асиджинака (который находился в палатке и узнал от духов, что Хорэсу грозит опасность) и Винса Мэдвезина (который в тот день не был на службе и оказывал услуги по обеспечению безопасности церемонии бесплатно).

Суд нашел, что единственной обязанностью Асиджинака было дать возможность духам озвучить, посредством его присутствия в палатке, то, что им было известно. И эту обязанность он выполнил.

Действия же Винса Мэдвезина по обеспечению безопасности во время обряда Трясущейся палатки были надлежащими, и поскольку он не находился на службе и его работа не оплачивалась, данный иск не может быть предъявлен полиции племени. Обязанностью Мэдвезина было должным образом предупредить распивавших спиртное людей. Он не несет ответственности за действия распивавших.

Человек, допившийся до ступорозного состояния, всегда рискует стать жертвой случайной смерти. Смерть Хорэса Уайтбоя, хотя и является трагическим происшествием, стала результатом его собственных действий. Хотя сострадание алкоголикам должно быть нормой человеческого отношения к ним, закон не требует заботиться о них, как о малых детях.

Смерть Хорэса Уайтбоя произошла вследствие его поведения, и его судьба была определена его собственными решениями.

Суд вынес решение в пользу ответчиков.

– Почему ты отложил эту папку? – спросил я отца, когда он вернулся.

Было уже поздно. Отец сел за стол, глотнул кофе и снял очки для чтения. Потом потер глаза и брякнул, не думая – наверное, от усталости:

– Из-за круглого дома.

– Из-за старого круглого дома? Это там произошло?

Он не ответил.

– То, что с мамой произошло, – это там случилось?

И опять нет ответа.

Он отодвинул бумаги, встал. Свет упал ему на лицо, и морщины резко очертились, превратившись в трещины на коже. Он выглядел тысячеклетным старцем.

Глава 4

Громким шепотом

Каппи был тощим парнем с большими ручищами и покрытыми шрамами костистыми ступнями, при этом у него были рельефные скулы, прямой нос, большие белые зубы и глянцевитые волосы с длинной челкой, прикрывавшей один карий глаз. Поврежденный карий глаз. Девчонки обожали Каппи, даже при том, что его скулы и подбородок были вечно исцарапаны, а одна бровь рассечена белым шрамом – в том месте, где ему в детстве камень раскроил лоб. Он ездил на ржавом синем велосипеде с десятью скоростями, который Доу нашел около католической миссии. Весь их дом был завален всевозможными инструментами, и Каппи постоянно чинил свой велик. Тем не менее работала у него только одна скорость. А ручные тормоза отказывали в самый неожиданный момент. Поэтому, когда Каппи гнал на велике, он был похож на подростка-паука, крутившего педали так быстро, что ног не было видно. Время от времени он опускал обе ноги к земле и ими тормозил или, если это не помогало, совершал самоубийственный прыжок из седла вбок, через раму.

У Энгуса был выдавший виды розовый BMX, который он все собирался перекрасить, пока не осознал, что этот дурацкий цвет оберегал велосипед от угона. У Зака велосипед был новый, крутого черного цвета. Велик ему подарил отец, вернувшийся после двухлетнего отсутствия. Поскольку по закону мы не могли ездить по дорогам (хотя, естественно, мы ездили, когда нужно было), велики давали нам свободу. Мы не зависели ни от тачки Элвина, ни от лошадок Уайти, хотя мы и на лошадях ездили, если была такая возможность. И нам не нужно было просить Доу или мать Зака подбросить нас туда-то или туда-то, что особенно было ценно в первое утро после окончания занятий в школе, потому что они бы все равно не отвезли нас, куда мы хотели.

Зак, который регулярно слушал радиоприемник отчима, настроенный на полицейскую волну, сообщил мне, где было совершено нападение на маму. В круглом доме для обрядов. К этой старой бревенчатой постройке на дальнем берегу озера Резервейшн вела широкая лесная дорога. Рано утром я встал и тихонько оделся. На цыпочках спустился вниз и выпустил Перл. Мы с ней пописали в кустах за домом. Мне просто не хотелось шумно спускать воду в унитазе. Потом я потихоньку вернулся в дом, чуть приоткрыв сетчатую дверь, чтобы она не скрипела, и придерживая рукой, чтобы она не хлопнула. Перл вбежала со мной и молча наблюдала, как я засовывал в рюкзак сэндвичи с арахисовым маслом. Следом за сэндвичами отправилась банка маминых соленых огурцов и бутылка воды. Я оставил отцу короткую записку, чтобы он знал, где я (все лето я сквозь зубы проклинал его занудство: отец требовал, чтобы, уходя из дома, я писал, куда иду и когда буду). Я черкнул слово «озеро» на бланке, который он оставил для меня на кухонном столе. Я оторвал половину листа и написал еще одну записку, которую сунул в карман. Потом положил руку на голову Перл и заглянул в ее белесые глаза.

– Стереги маму! – строго сказал я.

Через пару часов Каппи, Зак и Энгус должны были ждать меня около нашего пня у шоссе. Там я оставил вторую записку, в которой сообщал, что ушел вперед. Я так специально спланировал, потому что хотел оказаться на месте первым и побыть там в одиночестве.

Стояло чудесное июньское утро. Прохладная роса еще лежала на кустах диких роз и полыни, проросшей скошенной прошлой осенью травы. К полудню будет жарко. Это я мог предсказать не хуже метеорологической службы. Жарко и ясно. А значит, вылезут клещи. В такую рань вокруг никого не было. Мимо меня на шоссе промчались только две машины. Я свернул на покрытую щебенкой проселочную дорогу к Машкигу, которая была с обеих сторон

обсажена деревьями и поначалу бежала вокруг озера. Вдали из-за кустарников виднелись дома на берегу. Время от времени мне под колеса бросались местные собаки, но я так быстро крутил педали, что пулей пролетал по их территории, и они только успевали меня облаять, но ни одна не бросалась в погоню. Даже клещу, спланировавшему с дерева мне на руку, не удалось вцепиться в кожу. Щелчком пальца я скинул его и помчался еще быстрее, пока не выехал на тропинку, ведущую к круглому дому. Тропинка все еще была перекрыта заграждениями в виде пластиковых конусов и крашенных стальных бочек. Я догадался, что эту дребедень тут оставили полицейские. Я слез с велика и повел его рукой, внимательно осматривая землю под ногами и заглядывая под кусты. В последние недели все тут сильно заросло листвой. Но я искал то, что могло бы ускользнуть от других глаз – как нередко бывало в детективных романах, которые я брал у дяди Уайти. Но я не заметил ничего необычного, ничего, лежащего не на своем месте, правда, это же был лес, и тут в общем все лежало не на своем месте. Словом, я не нашел ничего, что могло бы показаться тут лишним. Все было тщательно прочесано вдоль и поперек. Что было странно. Вот бы найти хоть пустую банку, пробку от бутылки или горелую спичку. Но нет, тут явно все прибрали. Не обнаружив ничего интересного или полезного, я дошел до просеки на возвышенности, где виднелась круглая бревенчатая постройка.

Траву еще не косили, но площадка для парковки вся заросла сухонькими кустиками. Пасущиеся тут лошади повыдергали все сочные растения под корень, и теперь под шинами моего велосипеда шуршали одни жесткие сорняки. На вершине небольшого пригорка, в высокой ярко-зеленой густой траве стоял шестигранный бревенчатый дом. Я бросил велик на землю. Стояла мертвая тишина. И вдруг сквозь щели между серебристых бревен с низким стоном вырвался воздух. Я вздрогнул от неожиданности: казалось, дом издал тихий горестный вопль. Этот протяжный вопль буквально захлестнул меня. Наконец он прекратился, и я решил подойти поближе и двинулся вверх по склону. Волосы у меня на затылке зашевелились – наверное, от легкого ветерка. Но когда я подошел к круглому дому совсем близко, солнце согрело мне плечи, словно обняв меня добродушной рукой. Дом казался вполне безобидным. Двери не было. То есть когда-то дверь была, но теперь сколоченное из нескольких досок прямоугольное полотно валялось на траве. Сквозь щели между досок уже проросла трава. Я встал в дверном проеме. Внутри царил полумрак, хотя с четырех сторон были прорезаны небольшие окошки. Пол был чистый – ни пустых коробок, ни бумажек, ни одеял. Все собрала и увезла полиция. Я ощутил слабый запах бензина.

В стародавние времена, когда индейцам не разрешалось практиковать свою религию – ну, вообще-то не так уж и давно это было: до 1978 года – эта бревенчатая постройка использовалась для обрядовых церемоний. Люди делали вид, будто устраивают здесь танцевальные вечера, или приносили сюда свои Библии. В те времена из южного окошка сразу можно было заметить фары машины, мчавшейся сюда по длинной дороге от города. И к тому моменту, как священник или начальник управления по делам индейцев подъезжали к круглому дому, водяные барабаны, и орлиные перья, и мешочки со снадобьями, и берестяные свитки, и священные трубки уже были спрятаны на дне двух моторок, которые тарахтя спешили через озеро. А из сумок вынимались Библии, и люди вслух читали Книгу Екклесиаста. «Почему именно эту часть Библии?» – спросил я как-то Мушума. «Глава первая, стих четвертый, – ответил он. – „Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки“. И мы так считаем. Иногда мы танцевали там американскую кадрили, – усмехнулся Мушум. – Наш верховный жрец был отличным распорядителем танцев!»

У нас в городе тогда служил старый католический священник отец Дамьен, который не гнушался садиться вместе с жрецами. Он отправлял начальника управления по делам индейцев восвояси. А водяные барабаны, орлиные перья и священные трубки снова приносили в круглый дом. Старый падре выучил наши песни. Никто из нынешних священников их уже не знает.

Рассказ Зака о переговорах полицейских, которые он услышал по радиоприемнику отчима, как и сконфуженное молчание отца, случайно упомянувшего о круглом доме, навели меня на мысль, в каком месте было совершено преступление. Но я понятия не имел, где именно. И теперь меня посетила догадка: он напал на маму прямо здесь. Старая бревенчатая постройка сообщила мне об этом – нет, мне тогда почудилось, что она возопила маминым голосом, воплем страдания и боли, и слезы навернулись у меня на глаза. Слезы текли по щекам, а я их не утирал – ведь никто меня не видел. Я стоял в полумраке, думая слезами – да-да, слезы бывают мыслями, разве не так?

Я стал вспоминать во всех подробностях мамино бегство – так, как его описывал отец. Значит, машина стояла у подножия пригорка, рядом с кустарником. Вряд ли кто-то подошел бы к круглому дому по дороге с той стороны. Чуть дальше начинался берег озера, но попасть к нему было проще по дороге вдоль озера на дальнем берегу. Разумеется, насильник – я, правда, мысленно не употребил этого слова, я думал о нем как о «напавшем» – так вот, напавший понадеялся на то, что это пустынное место останется безлюдным. То есть он был в курсе повседневной жизни резервации. То есть он все хорошо спланировал заранее. По ночам на берегу собирались выпивохи, но чтобы дойти от круглого дома до берега, надо было перелезть через ограду из колючей проволоки, а потом еще преодолеть густые заросли кустов.

Он напал примерно здесь, где я сейчас стоял. И оставил ее здесь же, а сам пошел за другим коробком спичек. Я постарался не думать об охватившем маму ужасе и о том, как она заползла под машину. Я просто представил, что напавший, уйдя за спичками, отдалился на приличное расстояние от этого места, раз он не успел вовремя вернуться и выволочь ее из-под машины.

Итак, мама поднялась с пола, выбежала через дверной проем, потом помчалась вниз по пригорку к своей машине. А напавший, должно быть, спускался по противоположному, северному склону и не увидел ее. И я двинулся по его предполагаемому маршруту, через высокую траву, к ограде из колючей проволоки. Я раздвинул проволоку сверху и боком протиснулся сквозь нее. Еще одна проволочная ограда бежала мимо берез и тополей вниз к озеру. Я зашагал вдоль нее, пока не добрался до берега.

Я подошел к воде. Наверное, тут у него где-то был тайник, а может быть, тут он оставил машину, припарковавшись прямо у озера. Он вернулся за спичками, потому что те, что были у него, отсырели. Возможно, он курил. И оставил здесь запасной коробок или зажигалку. Он шел вдоль проволочной ограды от дома до озера. Добрался до тайника. Услышал, как хлопнула дверца маминой машины. Побежал обратно, намереваясь схватить маму. Но опоздал. Ей удалось завести мотор и нажать на педаль газа. Она уехала.

Я пересек узкий песчаный пляж и вошел в озеро. Мое сердце бешено заколотилось, когда я осознал, что совсем не чувствую воду. Зато я живо ощущал охватившую его досаду, когда он смотрел вслед удаляющейся машине. Я буквально увидел, как он в бессильной ярости схватил канистру и едва не зашвырнул ее в краснеющие вдалеке задние фонари. Он побежал вперед, потом назад. Он остановился, внезапно вспомнив об оставленных у озера вещах, о своей машине, о своих сигаретах или что там у него было. И о канистре. Он не мог допустить, чтобы его задержали с этой канистрой. И как бы ни было холодно тем майским днем: заморозки на траве и ледяная вода в озере, – ему пришлось довольно далеко зайти в воду и наполнить канистру. После чего, размахнувшись изо всех сил, он кинул полную канистру в озеро. Значит, если сейчас нырнуть и ощупать руками илистое дно, покрытое водорослями и улитками, я смогу найти эту канистру.

* * *

Друзья обнаружили меня сидящим перед валяющейся на траве дверью от бревенчатого дома. Я грелся на солнце и сушил одежду, а рядом стояла канистра. Увидев их, я обрадовался.

Теперь я четко понимал, что напавший на маму намеревался еще и сжечь ее заживо. Но хотя такой жуткий финал не вызывал сомнения или, во всяком случае, его можно было предположить, судя по реакции тети Клеменс в больнице и по рассказу отца о мамином побеге, я подсознательно отказывался его принять. Но теперь, когда канистра из-под бензина лежала прямо передо мной, я впервые осмыслил этот факт – и меня всего затрясло так, что зубы начали выбивать дробь. Когда я сильно нервничал, меня иногда одолевал приступ тошноты. Этого не случилось ни в машине, когда мы везли маму, ни в больнице, ни даже когда я ей читал вслух. Может быть, тогда просто все мои чувства притупились. Но сейчас я как бы пропустил через себя все произошедшее с ней. Я быстро выкопал ямку в земле, меня туда вырвало, и я прикрыл блевотину листьями и ветками. Я сидел, совершенно обессиленный. А когда услышал вдалеке голоса ребят и шорох велосипедных шин, а потом характерный звук, когда Каппи затормозил ногами, и их приветствия, я вскочил и начал хлопать себя по бокам. Не мог же я допустить, чтобы они увидели, как меня развезло, точно девчонку. Когда они подъехали ближе, я сделал вид, будто замерз в холодной воде. Энгус сказал, что у меня губы синюшные и предложил согреться «Кэмелом» без фильтра.

«Кэмел» без фильтра – лучше сигарет не своруюшь. Элвин, бойфренд тети Стар, обычно курил какую-то безымянную гадость, но в последнее время, видно, обзавелся деньжатами. Энгус тайком залезал в его пачку и вытягивал по одной, так, чтобы тот ничего не заподозрил. Но сегодня Энгус стянул сразу две. Я аккуратно разломил предложенную сигарету пополам и поделился с Каппи. Зак и Энгус поделили другую. Я затягивался своей половинкой до последнего, пока не обжег пальцы. Мы курили молча, а когда закончили, сплюнули оставшиеся на языке табачные крошки, как это делал Элвин. Мятую темно-красную канистру сверху и снизу опоясывала золотая ленточка. Из сливного отверстия торчал длинный изогнутый носик. Толстыми черными буквами на фоне ярко-желтого пламени с голубоватой сердцевинкой было написано: ОГНЕОПАСНО!

– Хочу поймать гада, – заявил я. – Хочу его сжечь!

Они поглядели на канистру. И сразу все поняли.

Каппи отодрал от расколотой двери щепку и начал втыкать ее в землю. Зак жевал травинку. Я поглядел на Энгуса. Тот был вечно голодный. Я сказал ему, что принес сэндвичи, и, достав сверток из рюкзака, раздал всем.

Сначала мы аккуратно отлепили верхние куски хлеба от арахисового масла. Потом положили на него хрустящие соленые огурчики. И снова прикрыли эту вкуснятину хлебом. Рассол от огурчиков просочился в арахисовое масло, которое уже не липло к зубам, и можно было заглатывать откушенные куски целиком, ощущая в привычном ореховом вкусе приятную острую кислинку. Когда с сэндвичами было покончено, Энгус выдул почти весь рассол из банки и зажевал его острым перчиком. Каппи выудил стебелек укропа и стал его жевать. Зак отвернулся – иногда он вел себя как тот еще привереда, но потом мог отколоть такое, что закачаешься.

Мы пустили по кругу бутылку с водой, а потом я им поведал о своей догадке – как произошло нападение на маму.

– Вот как все было, – произнес я без всякого смущения. – Он сделал это прямо здесь, – и я мотнул головой в сторону ритуального дома. – Он это сделал, а потом решил сжечь ее заживо там, внутри. Но у него отсырели спички. И он спустился с пригорка к озеру, чтобы принести сухой коробок.

Я в подробностях рассказал, как маме удалось от него сбежать. И как я подумал, что напавший оставил кое-что из своих вещей в лесу, и как я пошел вдоль ограды к озеру, и как вошел в воду и обнаружил место, где он утопил свою канистру. И еще я сказал, что он, вероятно, курил, потому что у него был запасной коробок спичек, за которым он ушел, а может, у него была зажигалка. Но он должен был что-то оставить в лесу. Если он бросил там пакет с

вещами, возможно, он даже спал в лесу. А еще он мог оставить окурки. Или отрывал у сигарет фильтры, как это делает дядя Уайти, раскатывая в пальцах фильтр на волокна и скатывая пустую папиросную бумажку в шарик. Нам надо было искать улики: волокна, любые посторонние предметы, что угодно.

Все закивали и принялись осматривать землю вокруг. Каппи поднял голову и поглядел на меня.

– Сделаем! – твердо сказал он. – Да, Суперстар?

– Ладно! – отозвался Энгус. «Суперстаром» его прозвали потому, что его тетку звали Стар. – Посмотрим, что найдется.

Нашли мы только клещей. Наша резервация ими славится. Мы разделили лес на квадраты и прочесали всю территорию от ограды из колючей проволоки, которая тянулась к югу футов на тридцать до самого озера. Весной, если натыкаешься на гнездо клещей – а в этих гнездах они вылупляются огромным выводком, – они тебя всего облепляют. Но двигаются они медленно. Частично их можно смахнуть с себя, но в любом случае от всех не отделаешься. И мы, ползая в кустах, постоянно натыкались на их гнезда.

Зак перепуганно завопил. Он подпрыгнул, и я увидел, как стайка клещей перескочила с него на Энгуса и исчезла в блестящих волосах Каппи.

– Заткнись ты, нюня! – прикрикнул на него Энгус. – Блохи куда хуже клещей!

– Ну да, блохи! – отозвался Зак. – А помнишь, как твоя мать обработала дом средством против блох, забыв, что ты внутри остался?

– Э, приятель, тогда из дома всех повыгоняли и задали блохам жару! – возразил Энгус. Он поднял с травы кусок пластиковой обертки, повертел в руке и выкинул. – Да, забыли, что я сплю в углу, – так и оставили до утра. А блохи, спасаясь от потравы, попрыгали на меня, а мне тогда было всего четыре. Попили моей кровушки последний раз в жизни да и подошли в моей одежде. Мне еще повезло, что меня не высосали досуха.

– Они твой мозг высосали досуха, – сказал Зак. – Посмотри, чем ты в меня бросил.

Он ухватил двумя пальцами сморщенный презерватив и стал раскачивать его вперед-назад, как маятник. Судя по виду, презерватив пролежал в лесу всю зиму. Старшие подростки обычно приходили на берег озера и разводили костры. Я протянул Заку пакет из-под сэндвичей, и он опустил туда засохший презерватив. А потом мы нашли еще с десятков таких же и множество пивных банок, которые Энгус собрал, отнес к большому камню и стал их плющить ногой, чтобы сдать потом в приемный пункт. То, что издали казалось новой порослью кустов с густой листвой, на самом деле скрывало кучу мусора. Сюда были свалены бесчисленные окурки. Пакет из-под сэндвичей быстро наполнился чинариками и презервативами. Еще тут были обертки от конфет и скомканные куски туалетной бумаги. Полицейские либо не сочли нужным искать тут, либо просто устали.

– Как же омерзительно ведут себя люди! – сказал Зак. – Да тут полным-полно улик.

Я присел с пакетом из-под сэндвичей. По мне всюду ползали клещи. Я сказал, что нам надо поскорее утопить клещей в озере. Мы бросились из леса, добежали до пляжа и разделись догола. Клещи остались главным образом в нашей одежде и в кожу еще не успели впитаться – пострадал один только Энгус, которому клещ вцепился в мошонку.

– Эй, Зак, помоги мне его снять!

– Да пошел ты! – огрызнулся Зак.

Каппи захохотал.

– Оставь его там, пока он не набухнет! Тогда тебя все будут звать Три яйца!

– Как старика Низви, – добавил я.

– У него и впрямь было три яичка. Это правда. Моя бабушка точно знает! – уверял Зак.

– Хватит! – прикрикнул Каппи. – Не могу себе представить, что твоя бабуля занималась этим делом с мужиком, у которого три яйца!

Оказавшись в воде, мы стали нырять, плескаться и понарошку топить друг друга. Нам было жарко, мы так вспотели, и кожа у всех так жутко чесалась, что всем было приятно подучиться в озере. Я запустил руку себе между ног – удостовериться, что клещ не забрался туда же, куда он проник к Энгусу. Потом я нырнул под воду и оставался там, насколько хватило воздуха. Когда я вынырнул, Зак повествовал:

- ...Она говорила, что они бились о ее задницу, как три спелые сливы.
- Твоя бабуля вечно что-нибудь выдумывает! – фыркнул Каппи.
- Она мне об этом подробно рассказала! – сказал Зак.

Бывают индейские бабушки, которые близко к сердцу принимают церковное вероучение, а бывают индейские бабушки, которым церковь до лампочки, и к старости они совсем расползаются и шокируют молодежь своими рассказами. У Зака была вот такая бабушка – второго рода. Бабушка Игнасия Тандер. В детстве она училась в католическом пансионе, но там, по ее словам, она только загрубела – так же, как там огрубевают будущие священники. Она говорила по-индейски и рассказывала о мужских секретах. Отец говорил, что когда бабушка и Мушум садились вместе за стол и начинали вспоминать старые деньки, они произносили такие непристойности, что даже в воздухе разливался скабресный смрад.

Когда вода охладила и успокоила наши разгоряченные тела, мы вылезли на берег и, глядя на хозяйство друг друга, принялись потешаться над съезжившимися петушками.

Зак расхохотался, глядя на меня:

- Не коротковат ли ты для имперского штурмовика?¹¹
- Мой рост не имеет значения! Главное – какой он у меня, понял?

У Зака конец был круглый и блестящий, как шлем Дарта Вейдера: как и я, он был обрезанный. У Каппи и Энгуса концы были еще прикрыты крайней плотью, как капюшоном, поэтому они считались «императорами». Мы затеяли спор, какой тип члена лучше – «император», или «Дарт Вейдер», и какой их них предпочитают девчонки. Потом мы развели костер, сели, голые, вокруг него на бревна, сплошь покрытые нацарапанными именами каких-то мальчишек, и стали вытаскивать из одежды клещей, швыряя их в огонь.

- Уорф – явно «император», – сказал Энгус.
- Это точно, – согласился Каппи.

– Не-а, – возразил я. – В любом случае самый крутой у Дейты, ведь ученые снабдили бы андроида таким членом, который больше всего нравится девушкам, так? И это совершенно точно будет «Дарт Вейдер». Я ни о каком другом даже подумать не могу – только «Дарт»!

– Думаю, все на том космическом корабле оснащены «Дартами», – заметил Каппи. – Кроме Уорфа.

– Погоди, но он же клингон, – сказал Зак. – И вроде у него должен быть во-от такой прибор. Но сам вспомни: на его комбинезоне нет бугра в паху.

– Ты сомневаешься в силе клингона? – спросил Каппи, поднимаясь. Он взглянул себе между ног. – Подъем, дружище!

Никакой реакции. Мы начали над ним смеяться. Каппи тоже засмеялся. Через какое-то время нам захотелось покурить, и мы опять проголодались. Энгус пошел отлить. Он вбежал в воду, обогнул проволочную ограду и углубился в лес.

- Ух ты-ы! – раздался его торжествующий крик.

Энгус выбежал из леса, держа в каждой руке по целой связке банок пива «Хэммз». Двенадцать банок! Каппи и Зак завизжали от восторга. Я помчался к Энгусу. До сих пор мы находили в лесу только банки или бутылки из-под пива «Олд-Милл» или «Блатц», которые выпускались в то время в резервации. И невзирая на то, что героем телевизионного рекламного

¹¹ Здесь и далее мальчики обсуждают персонажей киноэпопеи «Звездные войны» и сериала «Звездный путь».

ролика пива «Хэммз» был танцующий и бьющий в барабан индейский медведь в боевом венце из орлиных перьев, мы были верны марке «Блатц».

– Брось! – заорал я. Энгус замер, потом осторожно положил обе связки на землю.

– Думаю, это он оставил, – продолжал я. – Думаю, это улики. На них должны остаться его отпечатки пальцев.

– Э-э-э... – Было видно, что Энгус быстро размышляет о чем-то. Заговорил он тоже быстро. – А разве вода не смывает отпечатки? Я нашел их в открытом кулере. Банки стояли в воде.

– Ты нашел его тайник! – сказал я.

– Так можно я пиво возьму? – спросил Энгус.

– Давай!

– Можно и я одну открою?

Я со вздохом посмотрел на друзей.

– Можно!

Все разом вытянули руки и извлекли банки из пластиковых колец.

– Если отпечатков пальцев нет, то, по крайней мере, главная улика – в том, что он пьет «Хэммз», – размышлял я вслух. – Вот и думай теперь, что хочешь.

Я взял банку пива. Жестянка была мокрая и холодная. Держа ее в ладони, я пошел следом за Энгусом к тому месту, где он нашел пиво. Я предупредил, что нам не стоит подходить к тайнику слишком близко, чтобы не затоптать другие улики, что лучше бы подползти туда и собрать все, что мы там обнаружим.

– Опять ползти? – возмутился Энгус.

Кулер из дешевого пенополистирола стоял у дерева. Рядом валялась куча какой-то одежды.

Каппи заявил, что предпочитает сначала выпить пива, слегка захмелеть, а уж потом ползать и собирать улики, ведь потом опять придется прыгать в холодную воду и смывать с себя клещей. И мы стали пить пиво.

– Хорошо пошло, – похвалил Энгус. Он попытался сплющить банку о бедро. – Уй! – поморщился он.

Мы рассредоточились кольцом и поползли к кулеру. Контейнер стоял на краю пастбища, и мы то и дело натыкались на засохшие коровьи лепешки. Мы по-быстрому осушили банки, чтобы словить кайф, зная, что у каждого в запасе еще по две банки холодненького, и мы выпьем их врасяжку у костра. На этот раз ползти оказалось куда легче, но Энгус поднял ногу и пукнул в мою сторону.

– Только не соревнуйтесь, кто громче, – предупредил Зак.

– А то! – кивнул Энгус и снова пукнул.

Каппи метнул к середине пастбища коровью лепеху, точно пластиковую тарелочку фрисби, и захохотал.

– Почему индеец не любит коровьи лепешки?

Никто не ответил, кроме Каппи:

– Потому что они ему до коровьего дерьма!

– Ха-ха! – иронически произнес Зак. – Ты станешь эм-си на пау-вау, как твой отец, и будешь зубоскалить в микрофон!

Все знали, что дома Доу, Рэндалл и Каппи иногда садились за стол и выдумывали дурацкие индейские шуточки.

– А сколько будет четыре бакса и четыре бакса?

– Драка четыре на четыре в индейском баре, придурок! – ответил Энгус. Он снова поднял ногу, но в кишках у него уже не осталось газов.

Пока мы ползли, я рассматривал нас. У меня кожа смуглая. У Каппи – чуть темнее. У Зака темно-коричневая. У Энгуса – белая, но загорелая. Каппи уже вымахал о-го-го, а я чуть-чуть отстал от него. Зак и Энгус были ниже меня. И у нас на теле было так много шрамов, что и не сосчитать.

– И почему это четыре голых индейца в лесу все время хохочут? – спросил Каппи.

– Не подначивай! – заметил я.

– Потому что им весело до усрачки!

– Балда! – засмеялся я.

Хотя Каппи и был красавчиком, который нравился девчонкам, чувство юмора у него подкачало.

Энгус полз впереди меня. Я держался поодаль. Но все равно видел его задницу, испещренную красными точками – там, куда его брат всадил заряд дроби. Мы теперь ползали кто куда, забыв про намеченные заранее квадраты. С этой стороны ограды мусора никакого не было. И я догадался, что напавший тоже зашел в воду, обогнул ограду и устроил свой тайник подальше от пляжа. Мы доползли до кулера, и я стал тыкать палкой в кучу одеял и одежды.

Одеяла были полиэстеровые. Еще там валялись мокрая рубаша и джинсы. Все это воняло застарелой мочой, как на задворках бара «Мертвый Кастер».

– Может, стоит оставить вещи для полиции, – предположил я.

– Если мы им скажем про вещи, тогда придется рассказать, что мы тут побывали, – рассудил Зак. – Тогда они поймут, что я прослушивал рацию Винса и его телефонные переговоры. И окажусь в полном дерьме.

– А еще пиво, – напомнил Энгус.

– Плохо, что мы выпили половину пива – это же улики! – сказал Каппи.

– Давайте прикончим остальное! – предложил Зак.

– Ладно! – согласился я.

Мы двинулись в обратный путь, обогнули ограду, развели костер на берегу. После чего бросились в воду и стали нырять, чтобы избавиться от новой порции клещей. Зак продемонстрировал подмышку, куда ему однажды попала стрела. Врачи сказали, что он чудом не умер. Зажившие швы были похожи на белые шпалы игровой железной дороги, бежавшей от подмышки вниз по ребрам. Мы оделись и снова почувствовали себя в норме. Расселись вокруг костра и, разобрав оставшиеся улики, открыли их.

– А его третье яйцо было такого же размера, что и другие два? – спросил Энгус у Зака.

– Не начинай! – поморщился Каппи.

– У меня вот такая мысль, – сказал я, – а какой смысл нам вообще говорить с полицией? Они же проворонили канистру. Проворонили кулер. И кучу одежды.

– От этой кучи одежды несет мочой!

– Он описался! – сделал вывод Энгус.

– Надо сжечь этот хлам, – предложил я.

У меня зашипало в горле, и такие острые переживания нахлынули, что я опять чуть не расплакался. И вдруг мы замерли. Со стороны пригорка, сквозь шелест листвы, раздался пронзительный звук, словно кто-то свистнул в орлиную косточку. Ветер изменил направление, и когда воздух засвистел сквозь замазанные грязью щели между бревнами в круглом доме, раздалась целая россыпь пронзительных звуков.

Каппи поднялся и внимательно посмотрел на круглый дом.

Энгус осенил себя крестным знаменем.

– Давайте-ка сваливать, – предложил Зак.

Мы расплющили пустые банки, набили ими пластиковый мешок и завязали, чтобы Энгус мог их сдать. Потом затоптали костер и закопали остальной мусор. Я привязал канистру шнурком к багажнику велика, и мы тронулись в путь. Солнце уже отбрасывало длинные тени, в

воздухе стало прохладно, и мы снова проголодались, да так сильно, как только могут проголодаться подростки. То есть мы не чувствовали ничего, кроме голода, и все, что попадалось нам по дороге, выглядело страшно аппетитным, и мы ни о чем не могли говорить – только о еде. И всех занимало только одно: где бы раздобыть еды, много еды – да побыстрее. Матери Зака дома не было – наверняка она торчала в игорном клубе. Как и тетя Стар – она либо сорвала куш, либо проигралась вчистую, иного варианта не могло быть, а раз сегодня суббота, то она, скорее всего, проиграла все деньги, отложенные на еду. В ту неделю в доме у Каппи было шаром покати. Хотя его отец, возможно, приготовил жаркое. Холостяцкое жаркое в исполнении Доу было жуткой бурдой. Однажды он добавил в фасолевую похлебку чернослив из банки. А однажды оставил тесто, замешенное для выпечки хлеба, на ночь в кухне, и в него залезла мышь. И потом Рэндаллу достался кусок хлеба с мышьиной головой, а Каппи – с хвостом. Но туловища так и не нашли. Мой дом даже не рассматривался, хотя до происшествия с мамой мы бы наверняка совершили туда налет и поживились бы какой-нибудь вкуснятиной. По пути был дом дяди Уайти и Сони, но я терпеть не мог, когда мои друзья обсуждали Соню. Соня принадлежала мне одному. И я сказал, что они сейчас наверняка оба торчат на своей заправке. Многообещающим вариантом была бабушка Тандер. Она жила в доме престарелых в отдельной палате с большой кухней. Ей нравилось потчевать нас. Ее чулан ломился от съестных припасов, которые она выменивала у всех подряд.

– Она испечет нам лепешки и мяса даст, – мечтательно протянул Зак.

– У нее всегда есть консервированные персики, – благоговейно произнес Энгус.

– Она знает толк в еде! – подтвердил Каппи.

– Только смотрите, не говорите при ней о яйцах и не произносите «вагина»!

– Да кто ж такие слова будет произносить при бабушке!

– Ну, случайно может соскочить с кончика языка!

– И про кончик не говорите!

– И про кошек не надо, а то она еще скажет «киска!».

– Ладно, – согласился я. – Вот список запрещенных слов, пока мы будем кормиться у бабушки Тандер: яйца, кошки, киски, пиписки.

– И про головку тоже помалкивай!

– И не говори «вишнаг»¹² и никаких слов, которые рифмуются со «звездой» или с «теннисом».

– Еще запрещаются слова «промежность», «палка», «трахнуть» – ну, типа «трахнуть по башке». Она это воспримет не так, уж поверьте мне.

– И нельзя говорить «встал» и «отвердел»

– А еще «горячая», «буфера» и «девственная».

– Мне надо слезть с велика, – объявил Энгус.

Мы остановились и положили велосипеды на землю. Стараясь не глядеть друг на друга, все пробормотали что-то вроде «надо отлить», разбрелись по сторонам, а минуты через три, освободившись от бремени этих возбудительных слов, вернулись, оседлали велосипеды и продолжили свой путь по проселку мимо католической миссии. Добравшись до города, мы поехали прямехонько к дому престарелых. Я чувствовал себя виноватым из-за того, что написал в записке отцу лишь одно слово «Озеро». И из вестибюля позвонил домой. Отец снял трубку после первого звонка, и когда я сообщил ему, что приехал навестить бабушку Тандер, он даже обрадовался и сказал, что дядя Эдвард показывает ему последнюю научную статью моего кузена Джозефа и они доедают приготовленный им вчера ужин. Я спросил – хотя и так знал, – где мама.

– Наверху.

¹² Половой член (на языке оджибве).

– Она спит?

– Да.

– Пап, я тебя люблю!

Но он уже дал отбой. И мои слова «я тебя люблю!» эхом отозвались в онемевшей трубке. И почему я это ляпнул и почему именно тогда, когда слышал, что он кладет трубку на рычаг? Меня разозлило, что я с запозданием произнес эти слова, а обида, что отец никак на них не отреагировал, обожгла мне сердце. Красное облачко ярости застило мне глаза. И еще у меня слегка кружилась голова от голода.

– Ну, ты скоро? – рявкнул Каппи, подойдя сзади, и его неожиданное появление так меня испугало, что мои глаза снова наполнились слезами. Это было уж слишком!

– Да пошел ты в жопу! – выдохнул я.

Он поднял обе руки вверх и отошел. Я поплелся за ним по коридору. Мы уже почти дошли до бабушкиной палаты, когда я выдавил из себя:

– Каппи, я просто...

Он обернулся. Я сунул руки в карманы и зашаркал подошвами по полу. Отец наотрез отказался покупать мне баскетбольные кроссовки, которые я присмотрел в Фарго. Он счел, что я могу обойтись без новой обуви – и был, конечно, прав. Но у Каппи были кроссовки моей мечты. Он тоже сунул руки в карманы и глядел в пол, мотая головой взад-вперед. Странное дело, он повторил вслух мои мысли, хотя и соврал.

– У тебя кроссовки, о которых я мечтаю.

– Нет, – возразил я, – это у тебя кроссовки, о которых я мечтаю.

– Ладно, давай меняться!

И мы обменялись кроссовками. Обувшись, я понял, что его нога на размер больше моей. А он пошел прочь, неуклюже вышагивая в тесных кроссовках. Он просто слышал, что я сказал отцу по телефону.

Мы зашли к бабушке, и, само собой, мясо в луковой подливке уже скворчало на плите. Бабушка хлопотала у плиты. Аромат был такой мощный, что у меня живот свело. Я мечтал хоть что-нибудь запихнуть в рот, приглушить голод. На столе стояла тарелка с горкой сэндвичей из белого хлеба с джемом – чтобы мы могли заморить червячка. Я тут же слопал один и перевел взгляд на миску с сушеными сладкими яблочками. За домом престарелых росла яблоня, и бабушка всегда снимала с нее плоды. Она разрезала каждое сорванное яблочко на дольки и, высушив в духовке, посыпала сахарным песком и корицей. Я съел еще один сэндвич с джемом. Она уже расставила тарелки и рядом с каждой положила по бумажному полотенцу, чтобы мы клали на них сочащиеся маслом жареные лепешки.

– *Виисиниг*¹³, – проговорила бабушка, не оборачиваясь.

Я взял несколько ломтиков сушеных яблочек и положил себе на язык. Потом поглядел на Каппи. Мы съели еще по сэндвичу и смотрели на бабушку, словно одурманенные чувством голода, пока она не начала вынимать жареные лепешки. Тогда мы встали к ней в очередь со своими тарелками наготове. Она доставала щипцами одну лепешку за другой из кипящего лярда и раскладывала пухлые золотистые круги по нашим тарелкам. Мы ее чинно благодарили. Бабушка тем временем посолила и поперчила томящееся в горшке мясо, потом вывалила туда банку томатов и банку фасоли.

Наконец она щедро бухнула на лепешки несколько ложек жаркого. На столе еще красовалась здоровенная головка сыра. Она достала сырную голову из морозилки, поэтому сыр было легко натирать на терке над дымящимся мясом. Мы с Каппи были так голодны, что набросились на еду, едва сев за стол. Зак и Энгус ждали своей очереди на дворе, куда они вышли через

¹³ Ешьте! (на языке оджибве).

сдвижную дверь. Когда бабушка приготовила для них индейские тако и позвала к столу, они сели на диван и принялись есть.

Долгое время все молчали. Мы безостановочно ели. Бабушка что-то напевала себе под нос, суетясь у плиты. Она была невысокая, худощавая и всегда носила одно и то же светлое платье в цветочек, телесного цвета чулки, скатанные вниз до лодыжек, словно это была такая особенная мода, и самолично сшитые из оленьей кожи мокасины. Обе тетушки Каппи обрабатывали оленьи шкуры во дворе за домом. И у обеих на дворе всегда стоял стойкий запах сыромятной кожи, но зато кожи они выделявали на славу. И каждое лето они дарили бабушке мягкую оленью шкуру. Ее мокасины были украшены бисерной вышивкой в виде розовых цветочков. Она собрала свои длинные седые пряди в пучок и надела серьги из белых раковин. Ее морщинистое лицо имело лукавое выражение, а пронзительные глаза напоминали черные бусины. Ее взгляд никогда не излучал нежность или любовь, а напротив, был холодный и насто-роженный. Что странно для старенькой женщины, которая так любила кормить нас, мальчишек. Но с другой стороны, она повидала на своем веку так много смертей и прочих потерь, что в ее душе просто не осталось места для сантиментов.

Утолив голод, мы ели уже не так жадно. Нам хотелось покончить с едой одновременно – поесть и убежать. Но бабушка дала нам добавки, и мы начали есть по новой, теперь уж совсем медленно, и по-прежнему все молчали. Умяв свою порцию, я поблагодарил бабушку и понес тарелку к раковине. Я уж собрался сказать ей, что мне пора домой, как в дверь без стука вошла миссис Биджиу. Ее я на дух не переносил. Она была громадная, ходила вперевалку и обладала громоподобным голосом. Она сразу плюхнулась на мой стул и выдохнула:

– Ууфф!

– Да, они поели на славу! – сообщила бабушка.

– Все высший класс! – изрек Энгус.

– Нам надо бежать, *кукум*!¹⁴ – сообщил Зак.

– *Апиджиго миигве*, – учтиво произнес Каппи. – Минопогозиваг ингив заасакок ваанаг¹⁵.

Хитрюга знал, как доставить старушкам удовольствие: надо произнести пару слов по-индейски, пускай даже не все он выговаривал правильно.

– Да вы только послушайте этого *анишинаабе*!¹⁶

Им и впрямь было приятно.

– Ну, идите! – Бабушка Тандер махнула рукой в сторону двери, довольная, что мы ее навестили.

– А этот-то, вот этот! – произнесла миссис Биджиу, свирепо вытянув в мою стороны губы. – Какой-то он худой, одни кости!

У меня сердце ушло в пятки: сейчас начнется!

– Кости! – рявкнула бабушка, подскочив на стуле. – Я тебе скажу, у кого сейчас одна вот такая кость в штанах!

– Господи Иисусе! – воскликнула миссис Биджиу. – Я знаю, о ком ты! Наполеон. Этот *акивензи*¹⁷ скребется во все двери каждую ночь, но не я его впускаю к себе в дом! Он, правда, в добром здравии, не пьет и никогда не пил. Всю жизнь вкалывал. А теперь каждую ночь спит с новой женщиной!

– Вы, мальчики, слушайте, да на ус мотайте! – наставительно заметила бабушка Игнасия. – Хотите чему полезному научиться? Хотите знать, как заставить своих дятлов всю жизнь сохранять крепкий клюв? Чтобы долбил и долбил без усталости? Живите правильно, как старый

¹⁴ Бабушка (Зд. и ниже – на языке оджибве).

¹⁵ Большое спасибо. Все было очень вкусно. Эти жареные лепешки.

¹⁶ Индеец.

¹⁷ Старик.

Наполеон. От алкоголя вы будете поспешать да быстро заканчивать, а это нехорошо! Хлеб и лярд – вот что вас укрепит! Ему восемьдесят семь, а у него не только легко взбрыкивается, так еще может пять часов без остановки скакать.

Мы уже хотели юркнуть за дверь, но последняя порция информации заставила нас притормозить. Наверное, тут каждый из нас вспомнил о своих трех минутах уединения в лесу.

– Пять часов? – переспросил Энгус.

– Да! Потому что он никогда не кобелировал и не растрачивал свой сок почем зря! – завопила миссис Биджиу. – И он был верен своей жене!

– Это она так считала, – возразила бабушка Игнасия, доставая из рукава платочек.

Обе старушки пустились хохотать, да так заливисто, что чуть не задохнулись, и мы, воспользовавшись моментом, бросились к двери.

– Кроме того, у него есть секретное снадобье!

Мы как по команде обернулись.

– Да вы только поглядите – у них головы на шарнирах! – засмеялись обе старушки. – Может, рассказать им о секретном снадобье Наполеона?

– Если хлеб с лярдом не помогает, он берет жгучий красный перец и втирает его себе в...

Ну, сюда вот, – и миссис Биджиу взмахнула рукой над своими коленями – так энергично, что мы пулей вылетели за дверь. Раскатистый хохот двух старушек летел за нами следом по всему коридору. А я вспомнил, как красный жгучий перец подействовал на Рэндалла и его друзей в парилке. Что-то я не заметил никакого эффекта, на который намекала миссис Биджиу, когда они голые бегали по траве.

– Я бы сначала посоветовался с врачом, прежде чем применять снадобье Наполеона, – пробормотал я себе под нос. Мои слова услышал Энгус. С тех самых пор меня стали дразнить этой псевдомудростью: «сначала надо посоветоваться с врачом». «Джо хочет сначала посоветоваться с врачом». «Джо, а ты уже посоветовался с врачом, тебе стоит это попробовать?» И когда мы бежали тогда по коридору, я понял, что теперь эта присказка прилипнет ко мне намертво – как прозвище Упс. Перед тем как выйти на улицу из дома престарелых, я попросил всех подождать. Я снял кроссовки Каппи и отдал ему.

– Спасибо!

Мы снова обменялись обувью. Но я не сомневаюсь: если бы Каппи решил, что мне так будет лучше, он бы шагнул в моих тесных стареньких кроссовках до самого дома.

Над садами вдоль дороги застыло светлое июньское небо и вечернее безмолвие. В этот час, когда я вел велик по грунтовой дороге, все наши соседи уже лежали по кроватям или сидели по кухням. Перл встретила меня, едва я завернул за угол нашего дома. Она выжидательно стояла, глядя на меня, ни разу не залавав.

– Ты знала, что это я, – похвалил я ее. – Молодец!

Собака подошла ближе и несколько раз вильнула хвостом. У нее был кремовый мохнатый хвост, похожий на роскошный плюмаж, который совершенно не соответствовал ее короткошерстному туловищу – хотя и гармонировал с длинными и мохнатыми волчьими ушами. Она понюхала мою ладонь. Я стал чесать ей за ушами, пока она не смахнула мою руку. Перл была голодна. Выходя от бабушки, я прихватил один сэндвич с джемом и теперь отдал ей. Из дома доносились голоса. Я поставил велик и скользнул внутрь.

Дядя Эдвард все еще был у нас, в кабинете с отцом. На кухне царил беспорядок. Наверное, они приготовили себе что-то перекусить. Я прошел дальше и остановился перед дверью в кабинет. Они разговаривали довольно громко, так что я слышал каждое слово. Я мог бы лежать тут же на кушетке и подслушивать. А если бы они вышли, притворился бы спящим. Судя по перестуку кубиков льда и звяканью стаканов, они выпивали. Скорее всего, виски «Сигрэм» –

бутылка стояла на самой верхней полке кухонного шкафа, позади тарелок. Я вытянул шею и прислушался.

– За все годы нашего брака мы впервые спим порознь, – говорил отец.

Его слова, ясное дело, смутили и взбудоражили меня. Я затаил дыхание.

– Она даже от Джо отдалилась. Ни с кем с работы не общается. Не хочет никого видеть, даже старую подругу детства Лароуз.

– Клеменс говорит, что она и ее сторонится.

– Джеральдин, ох, Джеральдин. То она уронила кастрюлю с запеканкой, то теперь это. Понимаю: я сам виноват. Я ее испугал, напомнил об ужасе того происшествия.

– Ты называешь это происшествием, Бэзил?

– Знаю-знаю. Но я не могу даже произнести это слово.

Наступило молчание. Наконец отец проговорил:

– Нападение, изнасилование. Наверное, я тоже схожу с ума, Эдвард. И Джо отдаляется от меня.

– С ним все будет нормально. Да и она выйдет из этого состояния, – сказал Эдвард.

– Ну, не знаю. Она стала просто невменяемой.

– А что церковь? – спросил Эдвард. – Если Клеменс будет брать ее с собой в церковь, может быть, это поможет? Ты, конечно, знаешь, как я ко всему этому отношусь, но Клеменс говорит, у них там появился новый священник, и он ей вроде нравится.

– Не думаю, что Джеральдин найдет утешение в церкви после стольких лет.

Мы все знали, что мама перестала ходить в церковь, вернувшись из пансиона. Она так и не объяснила, почему. Но и Клеменс, насколько мне было известно, никогда не пыталась силком тащить ее в церковь.

– А что за новый священник? – спросил отец.

– Интересный. Можно сказать, симпатичный мужчина. Если тебе нравится такой типаж. На голливудских кастингах таких сразу берут на главную роль.

– Какого рода?

– Фильмы про войну. Вестерны. Секретный агент на опасном задании. Кроме того, он служил в морской пехоте.

– Бог ты мой! Профессиональный убийца ударился в католичество.

Повисла тяжелая тишина, и она тянулась так долго, что стала невыносимой.

Отец встал. Раздались его шаги. Потом плеск виски. Журчание.

– Эдвард, и что известно об этом священнике?

– Немного.

– Подумай...

– Налей-ка и мне. Он из Техаса. Из Далласа. Католический мученик в наших краях. Даллас. Он оттуда родом.

– Я не знаю никого в Далласе.

– Точнее сказать, он из маленького городишки под Далласом. У него есть ружье, и я видел, как он стреляет сусликов.

– Что? Это очень странно для бенедиктинца. Мне они всегда казались наиболее добропорядочными и разумными из всех.

– Верно, в целом, так. Но он из новообращенных, недавно был возведен в сан. Он совсем не такой, как... хотя кто сейчас помнит отца Дамьена? Да, и он в поисках. Выступает с довольно-таки смелыми проповедями. Бэзил, я даже иногда задумываюсь, все ли у него в порядке с головой, а может, он просто... слишком умный?

– Надеюсь, он не такой, как тот, кто был до него, который написал в газету гневное письмо о пагубных чарах женщин-метисок. Ты помнишь, как мы над ним хохотали? Боже...

– Да уж, если бы тут дело было только в Боге. Иногда, когда я хожу к причастию вместе с Клеменс, я вижу двойника, сам не знаю, почему.

– И кого же ты видишь?

– Я вижу двух священников: один с серебряной кропильницей, из которой он освящает прихожан святой водой, а другой – с винтовкой.

– Но ведь с духовушкой!

– Да, с духовушкой. Но он очень ловко из нее палит, прицельно и наповал.

– И сколько сусликов на его счету?

– Дюжина или около того. Трупки выложены на детской площадке.

Оба помолчали, задумавшись над сказанным, потом Эдвард продолжил:

– Но это же не делает его...

– Знаю. Но круглый дом! Символ старинных языческих верований. Женщины-метиски. А что, если все это предать огню – и все сжечь дотла, и искушение, и преступление – все погибнет в пламени, как при огненном жертвоприношении... О боже...

Отец осекся.

– Прекрати, Бэзил, прекрати! – сказал Эдвард. – Мы же просто беседуем!

Павшее на священника подозрение в нападении на маму мне показалось правдоподобным. В тот вечер, когда я лежал на кушетке и подслушивал беседу взрослых, а они ни о чем не догадывались, я подумал, что, наверное, услышал верную версию. Но теперь надо было найти доказательства.

Я, должно быть, уснул и проспал добрый час. Дядя Эдвард и отец разбудили меня, когда переместились из кабинета в кухню, по пути звеня стаканами и то включая, то гася свет. Я услышал, как отец открыл входную дверь и распрощался с дядей Эдвардом. Потом с улицы в дом вошла Перл. Отец о чем-то с ней поговорил, как будто успокаивал. Судя по голосу, он совсем не был пьян. Он навалил еды в собачью плошку, и тут же раздалось деловитое чавканье. Потом вроде составил пару тарелок в раковину, завершил на этом приборку и выключил свет. Когда отец проходил мимо меня на кушетке, я вдавил голову в подушки, но он меня вроде бы и не заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.